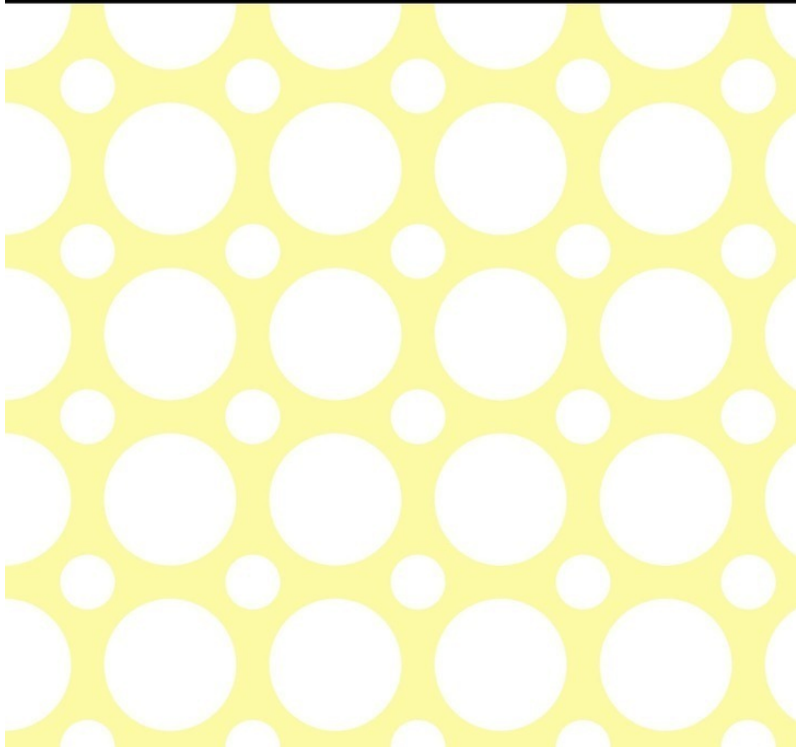

АННА ЕМЕЛЬЯНОВА

Пантелеимон

Анна Емельянова

Пантелеимон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40942537

ISBN 9785449632197

Аннотация

Этот роман обладает редкой силой образов, глубиной мысли, описаниями чувств. Эта книга о любви к людям, которую испытывал молодой врач Пантолеон. Обладая гениальным даром, он не боялся рисковать собой ради исцеления страждущих. Пожертвовав собой ради веры в Христа, он стал святым великомучеником Пантелемоном.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	53
Глава 8	59
Глава 9	65
Глава 10	74
Глава 11	82
Глава 12	88
Глава 13	95
Глава 14	101
Глава 15	113
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Пантелеимон

Анна Емельянова

© Анна Емельянова, 2019

ISBN 978-5-4496-3219-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Базальтовый дом ярко озарен лучами жаркого солнца. Ближится полдень. Сквозь кроны пальм, кипарисов, акаций струится яркое зарево солнца. Невзирая на ранний час уже очень душно.

Вассой, застыв возле корзины, полной спелых персиков, сидит в густой тени. Час назад его господин Евстрогий, в чьем доме он служит, приказал ему перебрать фрукты, выбросив гнилые, но он испытывает лень.

Праздность моя вызвана зноем, – прошептал он, прикрыв глаза.

Тем самым, Вассой пытается оправдать себя. Впрочем, он боится гнева Евстрогия, который после смерти любимой жены часто пребывает в дурном расположении духа. Раб знает, что в случае неповиновения приказа Евстрогия, его ждет наказание. И все же, купаясь в ленивом мареве жары, ему так трудно заставить себя вновь начать перебирать персики.

Вассой устало смотрит на них. Персиков перед ним целая корзина! Тяжелый вздох с шумом вырывался из его груди. Он огляделся по сторонам. Как назло вокруг нет никого из рабов, чтобы разделить с ним труды! Дворик кажется безлюдным. Со всех сторон он окружен высокой каменной стеной и садом, где рабы выращивают фрукты. В лазурном безоблачном небе над головой Вассоя парят ветки абрикосо-

вых, гранатовых, персиковых деревьев.

Сюда почти не проникает шум многолюдных улочек Никомидии. Евстрогий, приобретая когда-то этот дом, позаботился о том, чтобы жизнь его семьи протекала спокойно, умиротворенно, замкнуто.

Господин, у которого служит Вассой, не только богат. Он очень знатен, и принадлежит к числу греческих аристократов, которые уже в течение многих веков живут в Малой Азии. Свое состояние Евстрогий получил от родителей, а Вассой всю свою жизнь находился в его доме.

По происхождению раб был сирийцем, как и большинство слуг Евстрогия. В Малой Азии вообще живут разнообразные народы. Тут есть греки, евреи, сирийцы, армяне, капподокийцы, киликийцы, и над всеми простирается власть Рима.

Вассой еще молод. Он достиг двадцати пяти лет. Иногда он жалеет о том, что ему предстоит провести в рабстве свои лучшие годы, но, видимо, ничего другого боги ему не предопределили. Таких, как Вассой, множество.

Усмехнувшись своим мрачным мыслям, он вновь склонился над корзиной. В саду по-прежнему тихо. Большинство рабов сейчас находятся в доме. Чуть в стороне от Вассоя сушатся на солнце глиняные горшки, слепленные другим рабом Евстрогия.

Смуглые пальцы Вассоя поочередно шупают каждый персик. Его некрасивое темное лицо сосредоточено. У Вассоя крупные черты, крючковатый нос, узкие губы, подбородок

украшает борода. Взор черных глаз напряженно сверкает, выдавая то, как тяжело сирийцу бороться с праздностью, охватившей его в дневную жару. Вассой одет в сандалии и простой хитон без вышивки. Его жесткие волосы струятся по крепким плечам.

Время от времени до слуха Вассоя доносятся голоса рабов из открытых окон первого этажа. Они готовят обед. Внезапно сириец слышит звуки приближающихся шагов и поднимает голову. Его мрачный взгляд встречается со взглядом подошедшего человека средних лет. Это Евстрогий.

– Приветствую, господин, – пробормотал Вассой, но вместо ответа аристократ лишь тяжело вздохнул.

– Оставь свою работу. Пусть Лаврсатяй или кто-нибудь другой ее закончит. Мне нужно, чтобы ты сопровождал меня в город.

– Вы хотите купить что-то, господин? – осведомился Вассой.

– Мы пойдем в Западный квартал, к Евфросину, императорскому врачу. Возможно, что возвращаясь домой, мы посетим одну из встречных торговых лавок, и я куплю сыну лучшую ткань для пошива новой одежды, – хмуро ответил Евстрогий.

Это был смуглый, коренастый человек средних лет с длинными темными волосами. Морщины испещряли его кожу. Очи горели суровостью, свойственной людям, перенесшим глубокую душевную травму. Он часто вел себя с окружаю-

щими раздражительно, был до крайности нервным, а речь его обладала резкостью. Прямой острый тонкий нос выдавал его знатное происхождение. Короткая бородка придавал наружности еще более угрюмый вид. Прежде Евстрогий не был таким суровым. В годы молодости он умел, как никто другой, радоваться жизни. Вступив в брак с девушкой, которую он глубоко любил, он испытал счастье. Но это счастье не длилось долго. Жена умерла, оставив ему единственного сына, в ту пору еще ребенка, коего он вырастил сам.

О новом браке Евстрогий и думать не хотел. После потери той, которую он обожал всем сердцем, другие женщины для него не существовали. Теперь весь смысл его жизни сосредоточился в сыне – Пантолеоне.

Стоя перед Вассоем в фиолетовом хитоне, сандалиях и легком плаще, Евстрогий наблюдал за тем, как раб торопливо отодвигает от себя корзину с фруктами. Ждать он не любил.

– Идем, Вассой! – процедил он сквозь стиснутые зубы.

Вместе они пересекли сад. Ворота, ведущие во двор перед домом, были закрыты. Вассой поспешил раскрыть одну створку ворот перед своим раздражительным господином. Оставив двор, они вышли на улицу.

Перед ними простиралась Никомидия, центр Вифинии, город, который все последние годы считался резиденцией Августа Диоклетиана. После восшествия на трон, этот император, добывший власть в череде жестоких войн, изменил

систему управления Римской империей, разделив ее на территории. Своим соправителем, Августом Запада, он провозгласил боевого друга Максимиана. Став Августом Востока, Диоклетиан почти постоянно жил в Никомидии, редко бывая в Риме. В годы его правления этот крупный портовый город, стоявший на пересечении множества морских направлений, превратился в сердце мира. Двор Диоклетиана процветал в пределах Никомидии. Теперь, даже если император, согласно закону, уйдет в отставку, по истечении двадцати лет царствования, у города все равно сохранится репутация крупного центра востока.

В те годы Никомидия была разделена на несколько кварталов. В центре ее располагался огромный амфитеатр, возведенный во время правления Траяна. Грандиозные архитектурные комплексы построили здесь римские наместники. Впрочем, тут процветали различные культуры, потому до сих пор сохранилось много построек эпохи греческого могущества. Храмы богам возвышались над крышами каменных, глинобитных, базальтовых домов, принадлежащих горожанам.

В дневные часы Никомидия напоминала бурлящий котел. Повсюду звучали смех, ругань, музыка, мычание быков, крики и звон оружия. Толпы людей заполняли собой квадратные площади. Здесь можно было услышать все наиболее распространенные восточные наречия.

Не закутав голову накидкой от зноя, словно намеренно

пренебрегая этой необходимостью, Евстрогий стремительно шагал по улочкам. Он не обращал внимания на царивший вокруг людской гомон.

Вассой следовал за ним, ожидая возможных поручений.

Евстрогий достиг Западного квартала, примыкавшего к дворцовому комплексу. Здесь находились дома состоятельных господ, пользовавшихся расположением императора. Прежде Евстрогий бывал тут, ибо часто получал приглашения от местных вельмож. Дом известного врача Евфросина стоял у выхода к Храму Марса. Со всех сторон его окружала высокая каменная стена. Постучав в ворота, Евстрогий подождал, когда ему откроет служивший у Евфросина раб.

– Я договорился о встрече с твоим хозяином, – сказал он. – Меня зовут Евстрогий.

– Да, господин, – поклонился раб, пропуская во двор гостя. – Мой хозяин ожидает вас.

Вассой вошел в ворота следом за Евстрогием. Шагая по дорожке, ведущей к крыльцу, он с восторгом взирал на огромный сад, украшенный перистилем. У лестницы были фонтаны с фигурками наяд. Войдя в вестибюль, гости увидели мраморную скульптуру Августа Диоклетиана. Правитель Восточной тетрархии был изображен в порфире, высоких ботинках и лавровом венце. Крупные черты его лица выглядели сурово.

Евстрогий прошел к лестнице, ведущей на второй этаж, не обращая внимания на статую Диоклетиана. Подобные ста-

туи держали в своих домах все добропорядочные граждане Римской империи.

У лестницы гостей встретил раб, служащий у Евфрасина, и провел за собой на террасу. Поднявшись по ряду ступеней, перейдя длинный прохладный коридор, где в нишах возвышались статуи богов, почитаемых Евфрасином, посетители оказались у выхода на озаренную солнцем террасу. Позволив Вассою сопровождать себя, Евстрогий переступил порог и громко поприветствовал хозяина дома.

Сидя в тени, на невысоком диване, Евфрасин доброжелательно улыбнулся гостю. Он знал Евстрогия, ибо часто общался с представителями эллинистической общины. Но их отношения прежде никогда не были близкими.

– Присаживайтесь, Евстрогий, – сказал он, подвинувшись и освобождая гостю место рядом с собой на диване. – Признаюсь, меня удивил ваш нынешний визит.

– Я уже давно собирался посетить вас, – ответил Евстрогий. – Причина в моем сыне Пантолеоне.

– А что с ним?

– С вашего разрешения, я обо всем вам расскажу.

– О. да. Я с удовольствием вам внимаю.

Евфросин был очень вежлив в беседах с людьми, невзирая на их происхождение. По натуре своей он обладал мягкостью и учтивостью. В то же время его давняя практика врача позволила ему приобрести в Вифинии высокое положение. Он был мудр, имел опыт, его достижения во врачевании.

нии обсуждались по всей территории Малой Азии, поэтому к нему весьма благоволили правители. Часто бывая при императорском дворе, Евфросин в числе других врачей, следил за здоровьем самого Августа, членов его семьи и друзей. Когда в Никомидию приезжал соправитель – Максимиан, то Евфросин неоднократно лечил его от болей в спине. За эти заслуги владыки щедро одаривали врача. Его состояние росло с каждым днем.

Несколько лет назад Евфросин открыл в городе собственную школу, где обучал юношей врачеванию. Ученики прибывали к нему со всей Вифинии.

Сейчас глядя на Евстрогия, этого хмурого раздражительного человека, Евросин не мог сдержать любопытства. Он был наслышан о скромном образе жизни, который вел его гость, поэтому до сих пор недоумевал, что могло привести его сюда.

– После смерти моей любезной жены, я сам воспитывал Патолеона, – проговорил Евстрогий, устремив взор к далеким очертаниям Никомидии. – Он не похож на меня. Возможно, что вам приходилось издали видеть его. От рождения я нарек его – «во всем лев», ибо хотел, чтобы он вырос мужественным. Но Пантолеон всегда имел тягу к наукам. Он оказался необычайно сообразительным мальчиком. Его умственное развитие превосходило многих его сверстников.

В то же время, он очень необщительный, у него нет друзей и большую часть времени он проводит дома, за книгами.

Близится осень. В конце ее, Пантолеону уже исполнится восемнадцать. Я бы хотел, чтобы он получил достойное образование. Деньги для оплаты его учебы у меня есть. Я богатый человек. Но Патолеона влечет врачевание, а в нашем городе самым лучшим лекарем считаетесь именно вы, поэтому я решил обратиться к вам с просьбой взять в свою школу моего сына. Я хочу дать ему в жизни все самое лучшее, ведь он – это единственное, что у меня осталось. В нем моя отрада.

Воцарилась тишина. Евфросин ласково улыбался. Внешность придворного врача лишена привлекательности, но во взоре его черных глаз навывкате присутствует мудрость, глубина, понимание. Лицо у него очень смуглое, обрамленное бородкой, в который проглядывает седина.

Темные волосы гладко зачесаны назад, оставляя открытым лоб.

Евфросин уже достиг средних лет. Добившись богатства, он предпочитает носить одежду из лучшей ткани. Не обращая внимания на присутствие Вассоя, робко стоявшего у дверей, ведущих на террасу, Евфросин произнес:

– Дети – это самое важное, что есть в нашей жизни. К сожалению, мой сын умер еще в младенчестве, а других отпрысков боги мне не дали. Тем не менее, я осознаю, как горячо вы любите своего мальчика. У него есть хотя бы поверхностные навыки в искусстве врачевания?

Он почти наизусть знает труды Гиппократ! – ответил Евстрогий. – Но у него нет возможности проверить знания

на практике.

– Пусть Пантолеон придет ко мне завтра, – сказал Евфросин. – Я побеседую с ним и вполне возможно, что с радостью возьму к себе в ученики. Сейчас ему еще семнадцать, но обучение такому тонкому искусству, как врачевание, подчас занимает много лет. И все же, если ученик оказывается талантливым, он получает дозволение практиковать.

– Вероятно, что вы считаете, будто мое мнение относительно Пантолеона небеспристрастно, ведь я его отец, – заметил Евстрогий. – Конечно, я знаю, что многие родители переоценивают возможности отпрысков. Однако в случае с Пантолеоном все действительно так, как я вам говорю. В детстве он был необычайно одаренным мальчиком. Став юношей, он изумляет меня своей мудростью.

– А что думают о его способностях наставники?

– Я сам был все эти годы его наставником. Под моим присмотром он изучал то, что другим преподавали учителя, но потом, когда он заинтересовался трудами Гиппократов, я уже не мог его наставлять.

Погрузившись в раздумья, Евфросин попытался вообразить, насколько объективен был его гость. Конечно, невзирая на утверждения Евстрогия о собственной беспристрастности, врач не слишком ему верил. Евстрогий очень любил единственного сына. Он мог преувеличивать его таланты. Тем не менее, Евфросин очень хотел встретиться с юношей.

– Итак, я приму у себя вашего сына, – кивнул он. – Мне

всегда любопытно узнать нового одаренного человека. К тому же, я люблю поддерживать достойные начинания.

– Спасибо, Евфрасин, – молвил Евстрогий. – Вы убедитесь, что я говорю вам правду. Мой мальчик очень талантливый.

Удовлетворенно склонив голову, Евфросин подозвал своего раба, который дежурил на террасе в ожидании распоряжений, и приказал подать прохладного вина.

Когда кубки были наполнены, Евстрогий поднял свой, провозгласив:

– Не зря говорят, что вы самый достойный человек при дворе!

Лукаво усмехнувшись, Евфросин не удержался от тяжелого вздоха.

– Я благодарен вам! – сказал Евстрогий, осушив вино.

– Не торопитесь меня благодарить, – возразил врач.

– Поверьте, что встретившись с моим сыном, вы обязательно возьмете его в школу, – ответил Евстрогий и встал с дивана.

– С радостью поддержку его, – пробормотал Евфросин, стараясь вспомнить отпрыска Евстрогия. В его голове всплыл образ невысокого худого юноши, которого он видел всего пару раз на городских улицах.

Попрощавшись с врачом, Евстрогий направился к дверям. Проследовав в сопровождении Вассоя через галерею, спустившись по лестнице и перейдя вестибюль, он вновь вы-

шел во двор.

– Теперь мы идем к торговцу тканями! – сказал он удовлетворенно.

Вассой покорно отправился вместе с ним в соседний квартал, где продавали самые ценные персидские ткани. Евстрогий сделал в лавках покупки и лишь после этого, нагрузив Вассоя, засобирался домой.

– Моему сыну понадобится новая одежда, когда он будет принят Евфросином в школу, – говорил он.

Вассой подумал о том, что молодой господин всегда был равнодушен к одежаниям, но ничего не сказал Евстрогию.

По возвращении домой, Евстрогий послал слугу к местному портному и передал свою просьбу прийти к нему через несколько дней.

Евстрогий чувствовал огромное воодушевление. Перед его сыном открывались новые возможности, и это доставляло ему самую искреннюю радость.

Глава 2

*Летние вечера в Вифинии тоже были жаркими.
В высоких кустах акации, подступавшей к крыльцу
дама, стрекотали цикады.
Сидя на ступенях, Вассой смотрел на звездное небо.
Он всегда любил эти далекие мерцающие точки,
озарявшие собой черное гигантское пространство.*

В глубине сада слышался смех. Два раба, пришедшие от соседа Евстрогия, проследовали по узкой дорожке в ту часть базальтового здания, где жила прислуга. Их силуэты на миг выхватил свет масляных ламп, горящих на крыльце. По губам Вассоя скользнула насмешливая улыбка. За годы службы в доме Евстрогия он так и не завел себе друзей. Одиночество мучило его. Но он обладал натурой слишком стеснительной, чтобы быть навязчивым. В отношениях с окружающими его всегда останавливает смущение. А между тем вокруг рабы умели весело проводить время.

Проводив их взглядом, он вновь поднимает глаза к небу. Он крепко зажмурился, ловя порыв ветра. До его слуха доносится отдаленный плеск волн. Дом Евстрогия расположен недалеко от морского берега.

– Судя по всему, в жизни господина грядут большие перемены, – сказал подошедший к Вассою раб средних лет. Он тоже был сирийцем.

– Верно, Лаврсатяй, – ответил Вассой. – Ведь Евстрогий договорился с придворным врачом о том, чтобы тот принял завтра у себя нашего Пантолеона.

– Неужели Пантолеон будет учиться в школе Евфрасина? – удивился Лаврсатяй и сел рядом с Вассоем.

– Вероятно, Евфрасин примет его к себе.

– Это было бы замечательно! Пантолеон очень умный мальчик!

По доброму лицу Лаврсатяя проскользнула улыбка. Вассой знал, что он с теплотой относится к Пантолеону. Юноша вырос на его глазах. Лаврсатяй часто присматривал за ним, сопровождал во время прогулок его мать Еввулу. К тому же нрав у раба был дружелюбный, честный и открытый.

– Да, ты относишься к нему, как к собственному сыну, Лаврсатяй! – молвил Вассой.

– Еще бы! Я помню его ребенком! Когда меня только подарили Евстрогию, мальчику едва исполнился год. Евстрогий в ту пору не был любящим отцом. Все его чувства принадлежали Еввуле! Он сходил по ней с ума! Да и как можно было устоять перед прекрасной внешностью этой молодой женщины! Ее изысканное лицо с тонкими чертами заставляло мужчин трепетать! К тому же она была доброй... Еввула обладала властью над пылким сердцем своего мужа. Но она умерла. Ты уже в то время служил у нас. Евстрогий ожесточился после ее смерти, утратил веселый нрав, стал нелюдом. Но именно тогда и пробудились в нем горячие чувства

к сыну. Видишь ли, Вассой, каждый человек так устроен, что ему нужно кого-нибудь любить. Эта потребность наших сердец. В глубине души Евстрогий до сих пор любит жену, но, поскольку кроме Пантолеона рядом с ним больше никого не осталось, он загорелся той самой отеческой любовью, что прежде была ему неведома.

– Я почти ничего не знаю о любви, – смущенно поморщился Вассой, вспомнив Еввулу.

– Не может быть! – воскликнул Лаврсатяй. – В таком случае ты многое потерял, ибо любовь дает нам ни с чем несравнимые ощущения. Любовь – самое грандиозное чувство, способное воспламенить душу. Конечно, она принимает различные виды. Иногда это отеческая любовь. А подчас мы испытываем любовь к женщине. В то же время существует еще и любовь к друзьям.

– Я не познал ее, – повторил Вассой. – В детстве я видел лишь обиды, боль, лишения. Тяжела участь раба. Попав в дом Евстрогия, я приобрел господина вполне справедливого, но счастья я не испытываю.

– А в чем для тебя заключается счастье? – оинтересовался Лаврсатяй.

Вассой шумно вздохнул.

– Найти все то, о чем ты только что говорил, – сказал он. – Встретить все виды человеческой любви.

– Их встречают немногие люди, – снисходительно произнес Лаврсатяй.

Его широкое загорелое лицо, лоб с залысинами, тонкие губы ярко озаряла луна, вышедшая из-за кроны раскидистой пальмы. Он вновь улыбался.

– А ты встречал? – резко спросил Вассой.

– О, да. – произнес Лаврсатяй. – В Пантолеоне я нашел юношу, коего полюбил не как господина, а как ребенка. А в прошлом я знал любовь женщин. И у меня всегда было много друзей, которых я тоже любил.

– Тогда ты, наверное, счастлив?

– Вероятно, да. Меня можно назвать счастливым человеком.

– И твоему счастью не мешает даже то, что ты раб?

– Похлопав Вассоя по плечу, Лаврсатяй поднялся со ступенек.

– Не всегда свобода человека заключается в его общественном положении.

Оставив Вассоя, он взял одну из масляных ламп и скрылся в доме. Вновь подняв взор к звездам, сиявшим сквозь ветви деревьев, Вассой подумал о том, что услышал от Лаврсатяя. Конечно, он всегда знал, что этот зрелый человек большую часть жизни проведший в услужении у Еввулы, глубоко любит ее сына. Но для Вассоя его рассуждения о различных видах, которые принимает любовь, были непонятны.

– Возможно, что я еще недостаточно мудр, – прошептал он.

В его мыслях возник образ Еввулы. Он часто разговари-

вал с ней, но всегда избегал серьезных тем. Вероятно, со временем, достигнув возраста Лаврсатяя, он тоже научится испытывать разные виды удивительного чувства любви.

Внезапно будущее показалось Вассою замечательным. Он был рабом, но впереди его ждала целая жизнь, полная самых интересных событий. По своей натуре Вассой всегда был оптимистом. В прошлом ему действительно пришлось перенести много обид, и он не лукавил, говоря о них Лаврсатяю. Однако эти обиды научили его осторожности. НЕ утратив свойственной ему силы духа, он смог забыть о той боли, что прежде жила в нем.

Близились полночь. В доме Евстрогия все еще горит одно окно в комнате Пантолеона. Юноша поздно ложится спать. В отличие от него Вассой уже чувствует слабость. За день он сильно устал. Поднявшись, он задувает масляные лампы и идет в дом, чтобы выспаться. На восходе ему предстоит собрать персики, оставленные во дворе для длительной просушки.

Глава 3

На столе Пантолеона горят три лампы, бросая слабое зарево на книги. Их огни мерцают во мгле комнаты. Склонившись над пергаментным свитком, приобретенным у александрийского торговца лечебными снадобьями, юноша сосредоточенно хмурится. Свиток очень старый. Но его содержание весьма заинтересовало Пантолеона. Это трактат известного александрийского врача Эразистрата, жившего лет пятьсот тому назад.

Сияние масляных ламп падает на папирус, испещренный текстом на греческом языке. Трепет огня озаряет небольшое треугольное лицо юноши, выхватывая его тонкие черты, острый узкий нос, черные локоны длинных волос, пухлые яркие губы, полуопущенные веки огромных темных глаз. Пантолеон не похож на Евстрогия. Он очень худой, хрупкий, невысокого роста. Сомнительно, чтобы став старше, он приобрел физическую крепость.

Он равнодушен к нарядам, но заботится о своей опрятности. Впрочем, сейчас его одежда не подпоясана, ноги босы, кудри беспорядочно лежат на плечах. Им всецело владеет лишь интерес к врачеванию. Эта страсть к знаниям уже превратилась в смысл его жизни, хотя ему всего семнадцать лет.

Среди книг, свитков и дощечек с текстами, на его столе можно найти разнообразные письменные принадлежности,

баночки с чернилами, кости животных, камешки причудливой формы, найденные им у моря, маленькую фигурку бога Марса и несколько хирургических ножей, приобретенных у городских торговцев врачомными инструментами.

Руки у Пантолеона очень подходят для врачебной практики. Невзирая на изящество, они жилистые, с длинными узловатыми пальцами, твердые, уверенные. Для его будущей карьеры это очень важно.

От порыва ветра, ворвавшегося в открытое окно, погасла одна из зажженных на столе ламп, но Пантолеон не замечает, что сумрак вокруг внезапно сгустился. Он щурится, напрягая зрение, и читает текст александрийского трактата. Губы его едва заметно шевелятся. Мгла поглотила комнату, в ее пелене утонули предметы роскошной обстановки, постель на возвышении, мозаика на полу, ниши, в которых иногда рабы разводят благовония. И все же это комната ученого – повсюду стопками лежат книги на греческом, персидском языках или на латыни. Наречие персов пока плохо знакомо Пантолеону, но он считает, что со временем изучит и его.

Дверь приоткрывалась. В комнату вошел Евстрогий. Подняв голову, сын слегка кивнул ему.

– Лаврсатяй сказал, что ты побывал в городе нынче, батюшка.

– Да, – ответил Евстрогий, с любопытством глядя на сына, словно видел его впервые. – Я заказал у портного новый хитон для тебя. Через месяц он тебе понадобится.

Но Пантолеон лишь равнодушно пожал плечами.

– Зачем?

Подойдя ближе, отец ласково ему улыбнулся.

– Я расскажу о причине. Сегодня мне удалось встретиться с придворным врачом Евфросином, который имеет свою школу. Тебе приходилось неоднократно о нем слышать. Мы говорили о твоей способности к врачеванию. Евфросин согласен повидаться с тобой завтра, и если ты ему понравишься, он возьмет тебя учеником в свою школу.

Отодвинув трактат, Пантолеон взволнованно посмотрел на Евстрогия.

– Ах, отец! Благодарю тебя за то, что ты, используя свою знатное происхождение, убедил Евфросина дать мне шанс стать настоящим врачом! – воскликнул он. – Теперь остается добиться его расположения!

Но каким образом? Я ведь его совсем не знаю!

– Это не страшно! – хмыкнул Евстрогий и прошелся по комнате. – У тебя есть кое-какие знания, почерпнутые из книг. Ты умен. Я уверен, что Евфросин примет тебя в школу!

Рассеянно взглянув на трактат Эразистрата, Пантолеон нервно пожал худыми плечами.

– Но ведь все мои знания ничтожны по сравнению с теми, которые имеет Евфросин!

– Он это понимает. Никто не заставляет тебя сразу же вставать на один с ним уровень. А со временем... Возможно,

что и у тебя будет неплохая врачебная карьера. Ты сможешь применять полученные знания на практике.

– Да. Более всего я бы хотел лечить людей, – признался Пантолеон.

Взяв в руки трактат Эразистрата, Евстрогий тяжело вздохнул. Наука его не привлекала, подчас он изумлялся, почему его отпрыск, будучи в столь юном возрасте, так жаждет получить все эти знания! Тексты, написанные лекарями несколько столетий назад, вызывали у Евстрогия недоумения. Однако он поддерживал в сыне его стремление к врачеванию.

– Если ты захочешь приобрести необходимые книги, я буду давать тебе на них деньги, Пантолеон. Для меня важно, чтобы ты был счастлив. Я знаю, что трактаты мудрецов прошлого стоят дорого, но мне не жаль средств. Главное, чтобы книги тебегодились.

– Я знаю, как ты глубоко любишь меня, батюшка, – проворкотал Пантолеон смущенно.

Он все еще был в восторге от известия о своем возможном зачислении в школу Евфросина. Сердце бешено стучало у него в груди. Но по своему складу натуры Пантолеон умел сдерживать страсть, и поэтому сейчас лишь его сверкающие темные глаза выдавали то волнение, что по-прежнему бурлило у него в душе.

Твоя мать Еввула гордилась бы тобой, – в голосе Евстрогия прозвучала тоска.

– Αλαγορεύσεις πάντα την αγάπη¹, – восхитился Пантолеон. – Поистине лишь такой должно быть то чувство, что приковывает нас к женам!

– Не нужно брать с меня пример, – вздохнул Евстрогий, положив трактат на край стола. – Любовь к Еввуле в конце концов сделала меня несчастным. Да, вступив в брак с ней, я познал великое благо. Каждый день дарил мне наслаждение. Просто сидеть рядом, держать в своих руках ее маленькие пальчики, смотреть, как ветер играет ее распущенными кудрями, как тени падают на тонкое личико, доставляло мне огромное наслаждение. Но боги отняли у меня мою Еввулу. Αδικία! Я долго гневался на них. Но потом мне пришлось смириться. Есть вещи, которые неподвластны нам, обычным людям. Волю богов нельзя оспорить.

– Но Диоскурид утверждает, что богов не существует, – сказал Пантолеон, вспомнив учение одного из ранних лекарей Греции.

– Я не желаю слышать глупые теории твоих богохульников! – взорвался Евстрогий. – Боги вершили судьбы человечества задолго до рождения Диоскурида! Их могущество неоспоримо!

Пантолеон погрузился в молчание. Ему было известно, что отец часто впадает в гнев, поэтому обиды он не чувствовал.

– В Еввуле сосредоточилась моя жизнь, – угрюмо прого-

---

¹ Ты всегда будешь ее любить (греч.) Несправедливость!

ворил Евстрогий. – Никогда другая женщина не сможет занять ее место. Я стал одиноким, озлобленным, ожесточенным. Все то светлое, что жило во мне, погибло.

– Нет, – тихо возразил Пантолеон. – Ведь ты любишь меня. А это значит, что твое сердце еще не очерствело. Просто в тебе живет давняя боль, которая никогда не исчезнет.

– Верно, – кивнул Евстрогий. – Когда я женился на твоей матери, то рассчитывал, что она переживет меня, ведь она была еще совсем юной девушкой. Впервые я ее увидел в доме ее родственников, знатных греков, куда меня привели общие знакомые. Я сумел расположить ее своим добрым отношением, ибо мое сердце охватила любовь, а это чувство, если оно действительно искреннее, способно делать так, что кажется, будто человек, который его испытывает, источает странную теплую силу. А между тем, я был ее старше на целых пятнадцать лет! Она согласилась стать моей женой. С той поры мне довелось познать человеческое счастье, которое было очень недолгим.

Опустив голову, Евстрогий тяжело вздохнул. Раньше, говоря о жене, он плакал, но теперь лишь ощущал тяжесть на душе.

– Она была бы горда, узнав, что ты будешь учиться у самого Евфросина, – проговорил Евстрогий, внезапно осознав, что его недавняя грубость могла обидеть сына. – Не гневайся на меня, Пантолеон. Я бываю резок с людьми.

– Резкость это неплохо. Гораздо хуже обман, лукавство,

лицемерие, – ответил сын.

Подойдя к Пантолеону, Евстрогий положил руку ему на плечо.

– Арес пошлет тебе свое покровительство, мой мальчик! – сказал он. – Невзирая на то, что ты в него не веришь, этот бог всегда благоволил к тебе. Я знаю.

Но Пантолеон лишь отвернулся в сторону и сдвинул брови. То, что сын не признает веру своих предков в многочисленные божества, очень огорчало Евстрогия. Даже когда Пантолеон не спорил с ним из-за религиозных убеждений, он понимал, что в сердце юноши нет веры. Иногда Евстрогий винил в этом труды мудрецов, изучавших человеческие организмы. Но запретить Пантолеону увлекаться ими он не мог. Для него в единственном сыне уже давно сосредоточился смысл жизни, и поэтому он не хотел ссориться из-за трактатов, смущающих по его мнению, разум сына.

– Уже поздно. Ложись спать, мальчик мой. Завтра тебе предстоит встать раньше обычного, – молвил Евстрогий, направившись к двери.

– Доброй ночи, – отозвался Пантолеон.

Невзирая на распоряжение отца, он после ухода Евстрогия, просидел еще час за чтением александрийского трактата. Пылкий интерес к врачеванию теперь подогревался в его горячей юношеской душе еще и тем, что завтра ему предстояла встреча с самим Евфросином. Пантолеон не хотел показаться придворному врачу невеждой. Грядущее знаком-

ство волновало его. По своей натуре Пантолеон был очень замкнутым, он редко близко общался с людьми, а теперь ему вдруг предстояла беседа с таким известным авторитетным врачом, как Евфросин! Он трепетал, думая о своем визите в дом лекаря. Но в тоже время он понимал всю важность предстоящего знакомства. Евфросин мог научить его всему, что умел сам, и это позволит ему в будущем начать практику.

А Пантолеон более всего хотел лечить тех, кто нуждался в исцелении. Читая у Гиппократ о бескорыстности, которая должна быть свойственна каждому врачу, он ощущал, что хочет стать именно таким лекарем. Использовать полученные навыки во благо людей, по мнению

Пантолеона, было лучшей целью в жизни настоящего врача.

Глава 4

После завтрака Вассой получил от Евстрогия приказ проводить сына в дом придворного лекаря. Раб, который побывал у Евфросина накануне, прекрасно запомнил маршрут.

Они шагали по узким пыльным улочкам, залитым солнцем. Как и вчера, в Никомидии царила невыносимо жаркая погода. Пантолеон закутал голову накидкой от палящего зноя. В тот день на нем был лазурный хитон, подхваченный тонким ремнем и простые сандалии. Он не любил заботиться о внешнем виде, ибо мысли его по обыкновению занимала наука. Пантолеон мало и редко задумывался о мирской жизни и бытовых делах. В основном его голову занимали рассуждения о мудрецах, которыми он восхищался, и о тонкостях врачевания. Отец не мог его понять.

– Вы взволнованы, – догадался Вассой, когда впереди показались стены, окружавшие дом Евфросина.

– Да, – улыбнулся Пантолеон, дружелюбно взглянув на раба. – Каков этот Евфросин в общении с людьми?

– Простой, невзирая на свое высокое положение, – ответил Вассой, пожав плечами. – На мой взгляд, он мягкий человек.

– Наверное, по сравнению с другими его учениками, я буду выглядеть невеждой, – смутился Пантолеон.

– Вы прекрасно знаете, что это не так! То, что ваши зна-

ния были почерпнуты из книг, купленных вами, а не от наставников, как у многих учеников школы, ничего не значит! Возможно, что вы уже во многом их превосходите. К тому же врачевание значит для вас гораздо больше, чем для них. Большинство учеников просто хотят получить дозволение практиковать за деньги, а вы хотите дарить людям избавление от страданий.

– Но ведь это правильно, Вассой! Даже Гиппократ считал, что с бедняков врач не должен брать денег! – воскликнул Пантолеон.

Вассой подумал о том, что его юный хозяин был в душе еще очень наивен, ибо желал содействовать нуждающимся бесплатно. Но, размышляя о характере Пантолеона, он вдруг предположил, что желание лечить безвозмездно вызвано не наивностью, а великодушием молодого человека. Это изумило Вассоя. Впрочем, он ничего не сказал Пантолеону.

Постучав в ворота, они подождали, пока им откроют, а затем проследовали по узкой дорожке к огромному дому Евфросина.

Приближаясь к крыльцу, Пантолеон уже не говорил Вассою о своем смущении, но раб видел, что юноша нервничает. На сей раз слуга Евфросина велел спутнику Пантолеона остаться в прохладном вестибюле.

Евфросин хотел беседовать с гостем наедине. Тяжело вздыхая, Пантолеон поднялся на второй этаж и, миновав га-

лерею, вошел в просторный зал с высоким куполом. Здесь висел полумрак. В нише возвышалась изящная мраморная статую богини Панакеи, одной из дочерей Эскулапа. У ее подножия потрескивал горящий алтарь.

Евфрасин стоял возле статуи, повернувшись к ней спиной. Взор его был прикован к высоким дверям, в которые стремительно вошел Пантолеон.

– Приветствую, господин, – сказал юноша, слегка поклонившись.

Усмехнувшись, Евфросин осмотрел этого невысокого тонкого греческого аристократа, вновь вспоминая те редкие случаи, когда ему доводилось видеть его на городских улицах. Его удивила чрезмерная хрупкость юноши, но едва его опытный взор скользнул по жилистым худым рукам с гибкими длинными пальцами, как он сообразил, что за изяществом гостя скрывается человек твердый духом и склонный к врачеванию.

– Ты веришь в Высшие силы, Пантолеон? – осведомился он.

Подумав несколько секунд, юноша пожал плечами.

– Мне трудно представить, что внутри каменных изваяний, которым мы приносим жертвы, есть душа, – признался он.

– Но ведь наши правители Августы верят в богов! Диоклетиан, к примеру, считает себя сыном Юпитера, – молвил Евфросин.

Пантолеон не удержался от улыбки.

– Очень сомневаюсь, чтобы такой умный император, как Диоклетиан, действительно считал себя сыном Юпитера, – сказал он.

Удовлетворенно кивнув, Евфросин приблизился.

– У тебя дерзкий ум! Ты отважен! В твоём сердце есть решительность! Все это замечательно для врача. Скажи, чьи труды ты предпочитаешь?

– Ближе всех мне труды Гиппократы, – сказал Пантолеон. – Поистине это был выдающийся человек, пример с которого должны брать все врачи. Мне нравится то, что он советовал уделять внимание в первую очередь физису больного, всячески стимулировать естественные способности организма, чтобы человек выздоравливал сам. Каждая болезнь ведь, в конце концов, имеет естественную причину, даже если ее вызвало наказание... хм... богов!

– Я одобряю то, что своим примером для подражания ты избрал Гиппократы, – заметил Евфросин. – Но и другие гении прошлого, такие как Диоскурид, Герофил или Соран Эфесский, тоже достойны внимания!

– О, да! – вскричал Пантолеон, воодушевленно. – Герофил ставил диагнозы по пульсу больного! Он сравнивал пульс с музыкой!

Увидев, каким восторгом зажглись огромные темные глаза юноши, Евфросин почувствовал к нему симпатию. Придворному врачу редко удавалось найти учеников, которые

с таким же искренним восхищением говорили о трудах мудрецов, живших много лет назад.

– Я понимаю, как важно для тебя постигнуть мою науку, бесценный Пантолеон, – проговорил он. – Но быть врачом – это значит каждый день наблюдать чужую боль. Очень тяжело взирая на людские страдания не очерстветь сердцем!

– Более всего я бы хотел лечить всех страждущих! Я не очерствеею! – пылко произнес Пантолеон, шагнув к Евфросину.

– Но соприкасаясь с больными, мы рискуем заболеть сами, – молвил Евфросин.

Он желал проверить, насколько уверен в своих стремлениях стать врачом его гость. Чем дольше он общался с Пантолеоном, тем сильнее его располагал к себе этот хрупкий молодой человек.

– Иногда на коже больных выступают мокнущие нарывы, которые могут передаться лечащим врачам, – говорил Евфрасин. – Я в годы молодости практиковал в Киликии и сталкивался там с подобными чудовищными заболеваниями. Лишь позже заслужив свою репутацию, я вернулся в родную Никомидию и постепенно добился места при дворе.

– Поверьте, господин, что я вовсе не боюсь опасных заболеваний, – ответил Пантолеон, подозревая, что Евфросин проверяет его твердость.

Кивнув, врач лукаво прищурился. Он догадался, что Пантолеону известно, почему он заговорил про рискованную

сторону профессии.

– Ты ведь обучался врачеванию сам, верно?

– Да.

– Что ж! Я вижу, что ты очень умен. Мне действительно понравилось общаться с тобой.

Пантолеон молчал, не решаясь спросить у Евфросина о своем зачислении в школу. Юношу вновь охватило смущение, которое он сумел побороть усилием воли.

Заметив его напряжение, врач положил свою смуглую худую руку ему на плечо.

– На врача можно учиться всю жизнь, Пантолеон! Я знаком с людьми, которые достигнув зрелого возраста, не устают удивляться собственным открытиям. То, что ты узнаешь благодаря нахождению в моей школе, позволит тебе практиковать. Но сталкиваясь с человеческими болезнями, ты всегда будешь учиться новому.

– Я все это прекрасно понимаю, – ответил Пантолеон и взор его засиял ликованием, ибо он осознал, что принят в число учеников знаменитого лекаря.

«Мальчишка очень смышлен! Его отец был прав!» – подумал Евфрасин. – «Вполне вероятно, что после обучения в моей школе, он станет неплохим лекарем».

– Когда я смогу прийти к вам на занятия? – осведомился Пантолеон нетерпеливо.

Невзирая на свойственную ему сдержанность, он с трудом мог побороть бурю радости.

– Через неделю! Я буду счастлив принять тебя в число своих учеников, – ответил Евфросин. – Твой батюшка считает тебя очень достойным юношей, поэтому будем надеяться, что ты нас не разочаруешь.

– О, благодарю вас, господин! – воскликнул Пантолеон, всплеснув руками.

– Зови меня отныне наставником, – снисходительно сказал Евфросин и приветливо кивнул юноше.

На этом их беседа была завершена, но Пантолеон, покидая зал, в котором произошла его первая встреча с будущим учителем, испытывал столь сильный восторг, что Вассой, ожидавший его в вестибюле сразу догадался, что молодой господин принят в знаменитую врачебную школу. – Вы весь сияете! – заметил раб.

– Ах, Вассой! Наставник Евфросин был так великодушен ко мне! – широко улыбнулся Пантолеон. – Теперь я буду учиться у него науке врачевания. Это замечательно!

Вассой не понимал, почему изучение премудростей способно настолько воодушевить человека, но сделал вид, что разделяет ликование Пантолеона.

Возвращаясь домой, сын Евстрогия был на редкость разговорчив, обсуждая с Вассоем свой визит к Евфросину. Раб удивлялся, ибо его молодой господин обладал натурой очень замкнутой.

– Вижу, как много значит для вас наука, которую вы изучаете, – молвил он.

– В сей науке смысл моей жизни, – отозвался Пантолеон, быстро шагая впереди Вассоя по улочке, залитой обжигающим солнцем.

– Вам всего семнадцать, и вы уже нашли смысл жизни? – фыркнул Вассой.

– Можно прожить семьдесят лет и не найти его, – откликнулся Пантолеон.

Сириец не спорил с ним. В конце концов, никто вокруг не отрицал, что боги одарили Пантолеона огромной мудростью. Возможно, что он действительно нашел свое предназначение.

Достигнув дома, Пантолеон был сразу же встречен отцом. Сидя в саду, вблизи ворот, Евстрогий наслаждался тенистой прохладой.

– Я с нетерпением жду тебя, мой мальчик! – крикнул он, увидав сына. – Евфросин проявил к тебе расположение?

Смеясь, Пантолеон подбежал к нему и сел рядом на мраморную скамейку. Заметив, каким восторгом горят черные глаза сына, Евстрогий догадался, что Пантолеон принят в школу.

– Отныне Евфросин станет моим наставником! – весело сообщил юноша.

Та простодушная наивная радость, с которой он сказал об этом, заставила сердце Евстрогия затрепетать от любви. В Пантолеоне он нашел утешение после смерти Еввулы.

Взяв сына за руку, он крепко сжал его длинные гибкие

пальцы. На лице Евстрогия возникла улыбка.

– Это хорошо, – тихо произнес он, и в его интонации прозвучало столько же радости, сколько в восторженных речах сына.

Глава 5

Всю последовавшую неделю Пантолеон сосредоточенно изучал трактаты, вникая в их смысл. По обыкновению, он чаще, нежели прочие книги, читал труды своего любимого Гиппократ. Ему предстояло учиться у самого Евфросина, и поэтому он хотел быть достойным такого мудрого наставника.

Через три дня после визита к придворному врачу, Пантолеон отправился к морю, чтобы по обыкновению побродить возле полосы прибоя, взяв с собой лишь стопку книг. Он обожал длинные одинокие прогулки, в которых никто не отвлекал его от размышлений. Иногда он уходил на много часов, возвращаясь домой лишь с наступлением темноты.

Он выбирал пустынные места – скалистые мысы, расположенные далеко от никомидийского порта или рыбацких деревень. Слушая шум волн, он брел вдоль берега, опустив голову, прижав к груди книги, и думал о тех людях, чьими трудами восхищался.

Иногда он жалел, что родился так поздно. Ему бы хотелось жить в эпохи, когда Гиппократ, Диоскурид или Соран Эфесский делали свои открытия. У него были вопросы к этим знаменитым лекарям, но он не мог их задать.

Подчас, устав от пешей прогулки, Пантолеон садился на берегу, поджав ноги и вскинув голову к небу, и смотрел

на полет птиц и движение облаков.

«Не может быть, чтобы все то, что меня окружает, не имело бы единого создателя. Но очень сомнительно, дабы им оказался Юпитер», – размышлял он.

В природе все очень закономерно. Изучая человеческий организм, Пантолеон видел, что внутренности взаимосвязаны между собой и, работая, создают единый двигатель.

– Возможно, что и мир, окружающий меня, действует по принципу человеческого организма. Но это значит, что где-то существует странная Сила, которая оказывает на все незримое воздействие, – шептал он.

Взор его скользит по длинному маленькому камешку. Каждая новая волна касается поверхности камешка, словно ласкает его. Но как он здесь появился? Вероятно, его когда-то вынес со дна моря прибой. Но есть основание думать, что он лежит тут с незапамятных времен.

– Вот так получается и с богами! – усмехнулся Пантолеон. – Вроде бы их нет, но, в то же время, столько всего вокруг говорит нам о том, что они существуют. Но как найти верное решение?

Он вздохнул и, закрыв глаза, подставил тонкое лицо потоку солнечных лучей. От ветра трепещут края накидки, обмотанной Пантолеоном вокруг головы. Его губы едва слышно шепчут утверждения мудрецов о божественных силах. В греческих богов не верит никто. И в то же время все, подобно

Пантолеон, не отрицают присутствия какой-то единой Силы.

Звук приближающихся шагов заставил юношу открыть веки. Вдоль берега к нему идет Лаврсатяй. Пантолеон чувствует недовольство – он не любит когда его беспокоят во время его уединенных прогулок.

– Я с трудом вас нашел, господин! – воскликнул Лаврсатяй. – Почему вы всегда выбираете самые пустынные места?

– Здесь я могу спокойно придаваться своим размышлениям, – ответил Пантолеон.

– Хм! Вы ведете себя очень странно для семнадцатилетнего юноши! О чем же вы размышляете?

Лаврсатяй часто держит себя с Пантолеоном как с другом, потому что помнит его ребенком.

– Я думаю о вмешательстве Высших сил в человеческие жизни, – сказал Пантолеон.

Опустившись возле него на землю, Лаврсатяй взглянул в сторону моря. На поверхности воды искрились лучи заходящего солнца.

Небольшие волны с плеском разбивались об отмели.

– У каждого народа свои боги, господин, – молвил Лаврсатяй.

– Но никому неизвестно какие боги истинные.

– Зачем вам это знать?

– Я ищу ответы на множество вопросов, – вздохнул Пантолеон.

– А мудрецы в ваших книгах не могут вам дать ответы?

– Не всегда.

Покачав головой, Лаврсатяй наморщил смуглый лоб. По его некрасивому простому лицу струился пот.

– Ваша мать, Еввула, была христианкой. Она принадлежала к числу участников местной общины. Евстрогий, конечно, не одобрял ее вероисповедание, но терпел ради любви к ней. Вы что-нибудь помните о Христе?

– Почти ничего, – признался Пантолеон. – Я ведь был в ту пору ребенком. Знаю лишь, что лет триста назад в Иудее жил пророк, коего считали Сыном единого Бога. Евреи Его не признали и распяли на кресте. Говорят, что приход Христа изменил мир.

– Еввула твердо верила в Него! – неожиданно сурово произнес Лаврсатяй. – Я ведь служил у нее. Иногда она уходила в Храм, взяв рабыню, и проводила там долгие часы. Она молилась Иисусу, считая, что Он был Христом, Сыном Бога.

– И ты в это веришь? – холодно спросил Пантолеон.

– Я не отрицаю, что Христос мог быть истинным Богом. Но я не стал христианином, – пожал плечами Лаврсатяй.

Пантолеон попытался вспомнить то, что рассказывала ему когда-то Еввула. Она говорил ему, что христиане учат добру. Но в чем суть их учения, юноша не ведал.

Он подумал об огромном никомидийском Храме, где часто проводились богослужения. Внутри ему не приходилось бывать.

– Я слишком мало знаком с христианством, чтобы утвер-

ждать, будто Иисус Христос -это истинный Бог, – пробормотал он, нахмурившись.

Разглядывая сейчас его красивое лицо, Лаврсатяй замечал общие черты с Еввулой. В особенности сходство прослеживается в нижней части лица – тонкий подбородок, выпирающая пухлая нижняя губа, прямой длинный, очень узкий нос.

– Ваш отец прислал меня, дабы я проводил вас домой, господин.

– Но почему? Я часто гуляю до наступления темноты, – ответил Пантолеон.

– У батюшки есть подарок для вас, – ласково улыбнулся Лаврсатяй.

– А что за подарок?

– Идите к нему. Он ждет вас дома, чтобы вручить то, что вас порадует.

Поднявшись, Пантолеон прижал к груди книгу.

– Идем. Я возвращаюсь домой, – ответил он Лаврсатяю.

Вместе они зашагали в направлении далеких очертаний Никомидии. Ветер стих. Теперь в вышине появились первые звезды.

Вокруг сгушался сумрак.

Пересекая город, Пантолеон смотрел на то, как над крышами дворцов, храмов и домов небеса приобретают все более темный оттенок, а пористые облака растворяются на западе. Повсюду закрывались торговые лавки. Горожане сиде-

ли в садах или возле стен своих домов, попивая вино и обсуждая новости.

Следуя через площадь перед храмом Марса, Пантолеон издали видел контуры высокого мраморного дворца, возведенного Диоклетианом. Этот грандиозный архитектурный комплекс напоминал постройки в столице империи – Риме, служил местом расположения двора восточного Августа.

Свернув в узкий переулок, Пантолеон и его спутник приблизились к дому Евстрогия. Ворота были приоткрыты. Войдя в сад, Пантолеон передал Лаврсатяю книгу, велел отнести в дом, а сам отправился к отцу, ждущему его возвращения в саду, у лестницы, ведущей на крыльцо.

Уже совсем стемнело. В кустах громко стрекотали ночные цикады. Евстрогий в не-подпоясанном хитоне, сидел на каменной скамейке, держа на коленях сверток. Взор его скользнул по сыну, который быстро шел по извилистой каменистой дорожке.

– Лаврсатяй долго тебя искал, мальчик мой, – усмехнулся он.

– Не гневайтесь на него, – ответил Пантолеон. – Ты ведь знаешь, что я обожаю находить уединенные места и проводить там долгие часы в размышлениях.

– Да, и мне до сих пор странно, что ты вырос таким мудрым юношей. Присядь. Я хочу преподнести тебе кое-что.

Пантолеон опустился возле отца, с нескрываемым интересом глядя на сверток.

– Ты часто мне делаешь подарки, батюшка...

– Этот подарок пригодится моему врачу, – ласково отозвался Евстрогий.

Бережно развернув сверток, он протянул Пантолеону изысканно украшенный эллинистическим орнаментом серебряный ларец.

– Открой его! – велел Евстрогий.

– Ларец врача! – догадался Пантолеон, взяв ящик и осторожно его разглядывая. Высокий, но не тяжелый ларец имел внутри несколько отделений – для мешочков со снадобьями, порошков, бутылочек с жидкостями. Как и снаружи, внутри его украшал греческий орнамент.

– Его изготовили по моему заказу, – с гордостью произнес Евстрогий. – Узор будет всегда напоминать тебе о греческом происхождении.

– Он очень удобный, – одобрил Пантолеон и склонил перед отцом голову. – Спасибо, батюшка! Ты очень щедр!.

– Мой любезный врач достоин самого лучшего, – ответил Евстрогий и положил тяжелую руку сыну на плечо. – Я всегда восхищался твоим умом в глубине души.

– В глазах Пантолеона возникла теплота. Отец так редко бывал с ним ласков!

– Ты во мне не разочаруешься, батюшка! – прошептал он.

– Конечно, – улыбнулся Евстрогий.

Захлопнув ящик, Пантолеон прижал его к груди. Его охватила глубокая острая любовь к отцу! Он бы желал рас-

сказать Евстрогию о том, насколько тот много значит для него, но не посмел. Евстрогий не любил показывать окружающим чувства, и поэтому признание сына мог счесть излишней мягкостью. По натуре своей Евстрогий был суров.

Они сидели рядом в течение часа, не говоря друг другу ни слова. Но, все же, находясь возле него, Пантолеон испытывал огромное счастье. Более всего в этом мире он любил отца.

Глава 6

По прошествии лета в школе Евфросина начались занятия. Каждый день его ученики собирались в большом ба­зальтовом здании, выходящем к площади, где возвышался самый крупный храм Аполлона, изучали человеческий организм. Пантолеон, оказавшись среди них, сразу не нашел своего места и не смог завести друзей. Он с удовольствием проводил время в залах, где Евфросин преподавал основы анатомии, показывая кости, слепки органов или рассказывая случаи из своей практики. Ему нравилось изучать строение тела, когда Евфросин делал вскрытия трупов и многие ученики испытывали тошноту, страх и отвращение. В отличие от них Пантолеон не был брезглив. Но после окончания занятий, он всегда в одиночестве покидал школу и возвращался домой. С учениками он чувствовал себя стесненно. Их остроты заставляли его смущаться. Будучи девственником, он всячески сторонился их ночных прогулок по лупанариям.

Очень быстро ученики поняли, что Пантолеон не такой, как все. Он ждал насмешек, но вместо этого его просто перестали замечать. Его это не расстраивало.

Теперь кроме освоения трактатов, он мог изучать человеческие органы. Он сосредоточился на их функциях. Цветные гипсовые слепки, полученные им от Евфросина, давали хорошее представление о работе внутренностей. Но Пантолеон

стремился освоить их деятельность в природе. Поэтому он не гнушался вскрытиями, которых избегали остальные.

Трупы принадлежали безымянным беднякам. Они быстро портились... И поэтому вскрытия приходилось делать в течение суток после смерти несчастных.

Евфросин собирал в прохладном каменном зале без окон лишь самых стойких учеников и, взяв острый скальпель, кроил лежащее перед ним обнаженное тело. Зал озарялся множеством масляных ламп, которые при желании можно было поднести ближе к телу.

– Мы следуем примеру Эразистрата, который за много столетий до нас проводил вскрытия тел, дабы изучить перистальтику органов, – говорил Евфросин. – Пищеварение происходит, благодаря давлению стенок желудка на еду.

Пантолеон мог рассказать ученикам о трактатах Эразистрата, и Евфросин это знал. Со звоном отложив скальпель, придворный врач лукаво взглянул на погруженного в раздумья Пантолеона, который стоял возле изголовья трупа.

– Пантолеон, поведай остальным юношам о подробностях учения Эразистрата, ведь ты всегда им восхищался, – сказал Евфросин.

Встрепенувшись, Пантолеон смущенно оглядел учеников. Кто-то захихикал.

– Эразистрат описал в своих трудах клапаны сердца, крупные сосуды, и чувствительные нервы, – произнес Пантолеон, усилием воли поборов стеснительность. – В особенности ин-

интересно его учение о пневме. Жизненный дух, который он называл пневмой входит в тело с воздухом, проникает в левую половину сердца, а затем распространяется по артериям. Пневму он считал причиной, по которой бьется сердце.

Взоры учеников были сосредоточены на Пантолеоне. Впервые он по настоянию учителя рассказывал им об открытиях знаменитого врача. Его немного удивило то, что многие юноши прежде почти не читали труды Эризистрата. Лишь теперь он вдруг осознал, насколько глубоки его собственные знания. Но он не мог превозвестись, ибо обладал очень простодушной натурой.

Он стал говорить им о долгих исследованиях, которые проводил Эризистрат. Юноши внимательно слушали его, а взгляд Евфросина вспыхивал изумлением. Когда занятие было завершено, Пантолеон покинул зал, охваченный необычайным волнением. Щеки его пылали от возбуждения, в которое его повергло собственное пылкое выступление.

Прежде ему не приходилось становиться центром всеобщего внимания.

Однако присущее ему самообладание позволило с достоинством поведать прочим ученикам о том, что он так любил изучать в часы отдыха. В отличие от большинства юношей, врачевание уже давно всецело владело его сердцем. Поэтому мир, который могли бы открыть ему те, с кем он учился в школе Евфросина, вовсе не выглядел для него привлекательными.

Опустившись в тени пальмы, поджав ноги, Пантолеон смотрел на простиравшийся вдаль порт. Перед ним лежала сума, в которой он носил гипсовые органы, книги и письменные принадлежности. Достав тяжелое пестрое сердце, выполненное в натуральную величину, испещренное сосуздами, Пантолеон погрузился в размышления. Он понимал, что Евфросин говорил ему, что прежде больные люди, получив от богов исцеление, приносили в знак признательности в храмы копии органов, от которых раньше страдали. Эти органы были золотыми. Иногда больные дарили их жрецам, благодаря за молитвы.

– Разве боги посылают исцеление? – прошептал Пантолеон. – Возможно, лекарям способствует Высшая Сила, но я сомневаюсь, что это те боги, в коих мы верим.

Высшая Сила! Пантолеон постоянно о ней задумывался. Но чем больше он размышлял о ней, тем тверже убеждался, что те боги, которым поклонялись поколения его предков, – вымысел. Иногда он жалел, что почти ничего не знает о Христе.

Вертя в руке гипсовое сердце, Пантолеон подумал об удивительных особенностях организма. В животе каждой матери созревает дитя! Чудо рождения новой жизни! Но почему так устроен человек, что цикл его развития происходит именно внутри женщины? В течение девяти месяцев в ней формируются кости, сложные кровеносные сосуды, мозг! Подобное не могло не вызывать восторга в горячей ду-

ше Пантолеона.

А сердце- это орган, который заставляет работать все тело. И, как говорили жрецы прошлого, – внутри сердца живет душа!

Впрочем, вскрывая сердце, Пантолеон не видел в ней души. Однако это его не смущало. Душа для него всегда оставалась божественной субстанцией, соединяющей человека с Высшей Силой.

Учеба настолько поглотила юношу, что он стал еще реже, чем прежде, общаться с отцом. Теперь его замкнутость была вызвана постоянными размышлениями о работе человеческого организма.

В часы прогулок после учебы он, листая книгу, время от времени отрывался от чтения, и подолгу смотрел на лежащее вокруг пространство. Иногда он размышлял о науке, но было и так, что его мысли устремлялись к больным, которых ему когда-нибудь предстояло лечить. На улицах он видел много людских страданий.

Каждый раз при виде больного бедняка он не мог пройти мимо, а останавливался и старался облегчить ему мучения, накладывая повязки на изувеченные места или нанося средства на язвы. Пантолеон жалел, что до тех пор, пока Евфросин не позволит ему практиковать, он не может принимать у себя больных. Но полученные основы знаний о лекарственном лечении, а также деньги, которые давал отец на расходы, позволяли ему приобретать в лавках необходимые сна-

добья. В школе об этом не ведали. Пантолеон рисковал получить наказание, если Евфросину станет известно о его попытках лечить людей. И все же ему уже удавалось дарить исцеление! Это очень воодушевляло юношу. Ему исполнилось всего восемнадцать, но судя по результатам, со временем он мог стать отличным врачом. Возвращаясь домой, Пантолеон ничего не говорил отцу о лечении встречных бедняков. Однако ящик, подаренный

Евстрогием, стали наполнять различные снадобья для исцеления.

Глава 7

Подойдя к статуе бога Марса, раб Провиан разжег алтарь. Огонь засверкал во мгле зала, отражаясь от мозаики. Евстрогий приблизившись к скульптуре, пристально взглянул на нее. Во взоре его вспыхнула удивительная твердость. Он верил в могущество богов.

Зазвучали шаги. В зал вошел Пантолеон, возвратившийся домой после долгой одинокой прогулки по берегу моря. К бедру юноша прижимал суму с книгами и палочками для написания текстов.

Резко повернувшись к нему, Евстрогий вскинул голову.

– Я рад, что ты, наконец, дома, Пантолеон! Поистине в моей жизни есть человек, которым я горжусь! И этот человек – мой сын!

В его голосе прозвучала удовлетворенная интонация. Прежде Евстрогий редко показывал сыну, как глубоко им восхищается. Одно дело любить отпрыска, и совсем другое – дать понять ему, что он обладает превосходством! Пантолеон насторожился.

– Что случилось, батюшка? – робко спросил он.

– У меня только что побывал Евфросин, – признался Евстрогий. – Он хвалил тебя, говоря, будто ты имеешь огромный атлант! По его мнению, со временем ты достигнешь уровня тех знаменитых врачей, трудами которых ты ныне

восторгаешься.

Но Пантолеон, смутившись, пожал плечами.

– Давай подождем пока я смогу практиковать, чтобы убедиться в справедливости Евфросина, – сказала он, и хотел проследовать к лестнице, но отец окликнул его.

– Пантолеон, я очень благодарен богам за то, что они предоставили моему сыну талант, – глухо произнес он. – И ты тоже должен быть им благодарен.

Вновь взглянув на статую бога войны, Евстрогий тяжело вздохнул.

Наши предки называли тебя Аресом, о, покровитель Воинов! В

течение долгих веков ты защищал мой род от врагов. Каждый юноша, рождавшийся в моей семье, уповал на твою милость. Но пришли римляне, нарекли тебя Марсом, завладели территорией, где прежде жили вифины. Да, мы соединили в себе множество восточных кровей, но основной в нас оставалась греческая кровь, ибо мы почитали наши традиции, веру, язык. И вот замечательный Арес наградил моего ребенка даром врачевания, мудростью, страстью! Я глубоко ему признателен за это. В очередной раз за те века, что наш род живет на Востоке, Арес проявил к нам расположение!

Наблюдая за отцом, Пантолеон понимал, что тот находится во власти религиозного порыва. Если Пантолеон вдруг решит возражать ему, Евстрогий может прийти в бешенство.

Юноша подумал о Еввуле, неожиданно догадавшись, по-

чему она не обратила сына в христианство. Отец терпел, что она была приверженной другой религии, но Пантолеона не позволил ей окрестить. Впрочем, в великодушие Марса Пантолеон не верил. Бросив взгляд на мраморное изваяние изящного мужчины в римском панцире, тунике и шлеме с гребнем, он покачал головой. Скульптура была выполнена превосходно, но на этом ее достоинства заканчивались. Поклонение ей для Пантолеона означало поклонение обычному предмету.

Взгляд отца сиял восторгом. Вновь повернувшись к юноше, он простер руку.

– Иди сюда, мой мальчик! Давай вместе вознесем молитву богу Аресу!

– Нет, – процедил сквозь зубы Пантолеон.

Опустив голову, он отступил к лестнице.

– Почему?! – сурово спросил Евстрогий.

Раб Провиан в страхе приготовился к вспышке гнева.

Батюшка, ты ведь знаешь, что я не разделяю твоей веры, —

пробормотал Пантолеон.

– Не разделяешь веры?! – усмехнулся Евстрогий. – Ты так говоришь потому, что твои мудрецы утверждают, что божественной силы нет! Но они ошибаются!

Он неторопливо сделал несколько шагов к сыну. Возвышаясь над Пантолеоном, он видел, что этот хрупкий тонкий юноша его не боится.

– Ты очень дерзкий, Пантолеон! Неужели ты не испытываешь трепета перед наказанием, которое Арес может обрушить на тебя?

Но Пантолеон лишь покачал головой.

Взяв его за подбородок, отец заглянул ему в глаза.

– Неблагодарность! Боги ее ненавидят! Они озарили моего сына необычайными способностями, а он даже не желает выразить им свою признательность.

– Тогда, быть может, я лучше ее выражу скале у входа в никомидийский порт? – тихо произнес Пантолеон.

Не выдержав закипевшего в сердце негодования, Евстрогий толкнул его к алтарю.

– Преклони колени, Пантолеон! Я твой отец и в моей власти приказать тебе проявить мне повиновение!

– Не желая, чтобы Евстрогий взорвался яростью, что с ним случалось часто, Пантолеон медленно снял с плеча суму и покорно встал на колени перед алтарем.

– Провиан, пой гимн! – крикнул Евстрогий, повернувшись к рабу.

Тот, выступив к жертвеннику, взял кифару в руки и проел пальцами по струнам. Голос Провиана эхом зазвучал под куполом зала.

Зажмурившись, Пантолеон хранил молчание. Он не молился Аресу, и отец об этом подозревал. Тем не менее, покорность сына внезапно смягчила сердце Евстрогия. Опустив руки на плечи

Пантолеона, он поднял взор к потолку.

Покровитель наш, заступник, божественный Арес!
Мой сын, мой

единственный ребенок, мое творение, пылко благодарит тебя за тот необычайный дар, который ты послал ему, – прошептал Евстрогий.

Пантолеон с трудом сдержал саркастическую усмешку. В то же время в его душе внезапно возникло чувство жалости к отцу. Невзирая на образованность, Евстрогий был ярким приверженцем многобожия.

«Нет ничего странного в том, что матушка не сумела убедить его принять христианство», – подумал он.

В его воспоминаниях всплыл образ Еввулы. Она умерла совсем молодой, немногим старше того возраста, коего сейчас достиг Пантолеон. В мыслях его возникла ласковая улыбка Еввулы, когда она садилась возле него на корточки гладила по щеке. У Еввулы были черные, как смоль, выющиеся волосы, которые она всегда собирала на затылке. В ее огромных очах сияла нежность.

– Любезный сынок Пантолеон, – тихо говорила она, склонившись к его уху. – Нет никого, кто бы мог занять твое место в моем сердце!

Конечно, она любила Евстрогия, но то была любовь совсем иного рода. А к сыну она испытывала глубокую теплую привязанность....

Иногда Пантолеон жалел, что успел плохо ее узнать.

– Будем надеяться, что Арес не разгневется на тебя, – прозвучал рядом голос Евстрогия. – Кара богов чудовищна, мальчик мой. Они могут сделать с тобой все, что захотят.

Открыв веки, Пантолеон увидел, что огонь на алтаре успел погаснуть. Провиан закончил петь гимн и собирал угли с жертвенника. В зале висел сумрак.

– Ты очень заботливый отец, но мне тебя жаль, – вдруг произнес Пантолеон.

– Жаль? Почему? – прищурился Евстрогий.

Зная непредсказуемый нрав отца, юноша, тем не менее, сохранял завидное самообладание. Он продолжал стоять на коленях, хотя его ноги уже сильно болели.

– В твоей душе живет мрак, – ответил он, не поворачиваясь.

– Ты прав, – угрюмо сказал Евстрогий и стремительно покинул зал, где находился алтарь бога войны.

А Пантолеон еще долго стоял, застыв перед скульптурой, но мысли его были далеко от молитв. Он продолжал сочувствовать

Евстрогию.

Глава 8

Ночью на море разыгрался шторм. Для ноября это было вполне обычным явлением. Иногда сезоны бурь заставляли суда отложить намеченные плавания. В Никомидии часто зимовали моряки со всего Востока.

Прислушиваясь к рокоту волн, который достигал дома, Пантолеон пытался вспомнить Еввулу. Но как он не старался, в его сознании сохранились лишь краткие эпизоды, в которых она принимала участие. Одно он знал точно – Еввула была очень доброй.

Утром он вновь отправился в школу. После того, как Евфросин хвалил его перед отцом, ему было не по себе, едва он размышлял об учителе. Даже обучаясь среди прочих юношей, Пантолеон так и не сумел избавиться от стеснительности.

Он шагал по узкой улице, ведущей между высокими каменными заборами, за которыми располагались густые сады и, хмурясь, представлял грядущую встречу с наставником. Будь на его месте другой юноша, возможно, что его самолюбию бы польстило внимание наставника. Но Пантолеон был серьезным, застенчивым молодым человеком, которого смутил поступок Евфросина. Со свойственным ему простодушием лесть он ненавидел. Но у Евфросина не было причины льстить. Это значит, что учитель ценит его. Но похва-

ла лишь заставила Пантолеона смущаться, а вовсе не воодушевила. Впрочем, Евфросину его не понять. Он вообще уже давно осознал, что окружающие его не понимают, и не обижался на них.

– Не проходи, о, юноша, мимо немолодого бедняка, – раздался рядом чей-то голос. В густой тени высокого забора Пантолеон заметил скрюченный силуэт нищего, который кутался в обноски. Ветер трепал его длинную серую бороду.

Достав из суму деньги, полученные от Евстрогия, Пантолеон положил их в ладонь старика. Тот, тяжело дыша, поднял голову.

– Gratias ago vos², – произнес он. – Ты добрый мальчик! Пусть боги

защищают тебя от опасностей, как я защищал трон моего повелителя Августа Диоклетиана в годы войны с прессами.

– О, ты был римским легионером? – удивился Пантолеон и сел возле бедняка.

– Я служил преторианцем, – ответил старик. – А теперь, став больным, никому не нужен. Но если бы ты, *adolescens*³, видел бы меня в годы моего участия в боевых действиях, ты бы изумился тем изменениям, что со мной произошли. Военная выправка исчезла. У меня болят кости. Я даже двигаюсь с трудом.

И старик кивнул в сторону лежавшей на земле палки,

---

² Благодарю (латынь)

³ Юноша (латынь)

на которую он опирался при ходьбе.

Вообразив, каким прекрасным было это испещренное морщинами лицо, Пантолеон ощутил сочувствие к старику. Когда-то седые волосы были аккуратно подстрижены, подбородок гладко выбрит, тело упряго.

Лишь взор его по-прежнему, как и в годы юности, сверкает твердостью. – Как тебя зовут? – осведомился Пантолеон.

– Теперь уже неважно, как звучало мое имя, – с гордостью ответил старик. – Пусть те, кто меня знал преторианцем, сохранят обо мне самые лучшие воспоминания. Ты дал мне много денег *adulescens*. Я смогу вернуться на родину в Сиракузы.

– У тебя там семья?

– Нет. У меня была жена. Но она умерла много лет назад.

– Тогда зачем тебе в Сиракузы?

Повернувшись к Пантолеону, старик взглянул на него с изумлением, словно говорил с сумасшедшим.

– Потому что в Сиракузах я родился. Грекам не достает патриотизма!

– Мы были патриотами, пока Гней Помпей не присоединил Малую Азию к римским владениям, – задумчиво ответил Пантолеон.

Он почти забыл сейчас о занятиях в школе Евфросина. То, что старик жаловался ему на боли в костях, заставило его погрузиться в размышления. Ради интереса он иногда готовил мази или настойки, пользуясь наставлениями Евфроси-

на. С собой у него находилось несколько баночек со снадобьями.

– Я не имею пока права практиковать врачевание, но я хочу облегчить твои боли, – тихо молвил он, доставая ящик, подаренный отцом.

– Похоже, что боги привели ко мне врача! – удивился старый легионер. Кивнув, Пантолеон озабоченно посмотрел по сторонам. В воротах соседнего дома промелькнул чей-то силуэт. Это насторожило юношу, но не заставило его отказаться от прежних намерений.

– У меня есть средство, которое облегчит твои боли, – сказал он, открыв ящик.

Старик наблюдал, как юноша, пошарив среди снадобий, вытащил круглую баночку с чем-то темным.

– Натирай себя этой мазью. Она прогреет твои кости, – проговорили Пантолеон. Открыв крышку банки, старик поморщился.

– Из чего изготовлена твоя мазь, *adulescens*?

– Для тебя сие столь же неважно, как для меня твое имя, – строго отозвался Пантолеон, убрав язык в сумку и поднимаясь с земли.

Схватив его за рукав хитона, старик вдруг ласково улыбнулся.

– Никогда прежде я не встречал людей похожих на тебя, юноша! Я буду благодарить богов за встречу с тобой.

Ничего не ответив, Пантолеон ласково ему улыбнулся,

и вновь закинув суму на плечо, зашагал по улочке.

– Это идет истинный врач! – крикнул ему вслед старик, хотя вокруг никого не было.

Пантолеон, проходя мимо ворот, возле которых он видел силуэт человека, замедлил шаг. Но ворота теперь были плотно заперты. Повсюду безлюдно. Зной нагревает забор, в воздухе висит терпкий аромат спелых абрикосов, которые почти в течение всего года растут в садах. Высокие кроны деревья за забором окружающим дом, вероятно, дарят прохладную тень в дневные часы.

Решив больше не думать об увиденном человеке, Пантолеон вновь стремительно пошел по дорожке. В конце концов, он дал старику мазь, которую он сделал собственноручно и даже успел использовать на себе ее действие, когда накануне в вечерней мгле упал на лестнице и разбил ногу. Мазь действовала. А если вдруг Евфросину станет известно о его поступке, врач не будет гневаться. Евфросин к нему очень расположен. Поэтому и волноваться Пантолеону не о чем.

Прибыв в школу, он опоздал на занятия. Но Евфросин предпочел не делать ему выговоров, чтобы не уронить его авторитет среди учеников. Они по-прежнему относились к Пантолеону с непониманием, а расположение придворного врача будило в них зависть. Уступая ему в мудрости и осознавая это, они выплескивали свою злость в презрительных взглядах, устремленных на Пантолеона и в отсутствии дружелюбия с их стороны. Если раньше этого стеснительного

тонкого юношу с огромными глазами просто не замечали, то сейчас он вызывал в окружающих раздражение.

Он страдал от поведения учеников, но никогда не жаловался Евфросину или отцу. Его сильная натура не нуждалась в общении с учениками, а их ненависть он терпел молча, ничем не выдавая внутренней боли. Но Евфросин догадывался о переживаниях Пантолеона. Этого стоило ожидать, учитывая его таланты. Однако стойкость юноши заставляла врача чувствовать своего рода преклонение перед ним. Лекарь был глубоко покорен Пантолеоном, как личностью.

Глава 9

Вечером Евфросин часто получал приглашения от друзей посетить их обеды. Иногда он соглашался прибыть в гости, чтобы в теплой компании пропустить кубок вина. Жена Евфросина давно умерла, он был свободен, но не испытывал тяги к развлечениям, поэтому его прибытия в богатые дома, на пиры, становилось ярким событием для хозяев.

Когда Аристарх, личный врач Галерия, наследника Августа Диоклетиана, позвал его на обед, он захотел там быть. Ему нравился проницательный александриец, который уже в течение десяти лет практиковал в Малой Азии врачевание. Одевшись в зеленый вышитый серебром хитон, Евфросин взял с собой в сопровождение лишь нескольких рабов и, сев в паланкин, велел нести себя в дом Аристарха.

Следуя по улочкам, озаренным факелами, Евфросин задернул полог на паланкине, чтобы не привлекать взоры любопытных горожан. В Никомидии он был известным человеком, но не любил быть в центре внимания.

Аристарх жил вблизи никомидийского амфитеатра – огромного полукруглого строения, сооруженного по приказу императора Траяна почти двести лет назад. Внутри часто устраивались гладиаторские бои, чтобы потешить горячее население города.

Под стенами амфитеатра днем шла торговля, и работали

таверны. Чуть в отдалении, вблизи квадратной площади располагались дома состоятельных вельмож, в том числе и Аристарха.

По обеим сторонам высоких ворот, проследовав за которые паланкин Евфросина оказался саду, трепетали от ветра зажженные факелы.

У подножия лестницы, ведущей на крыльцо, гостя ждал раб с масляной лампой.

– Приветствую вас, достопочтимый, Евфросин, в доме моего повелителя, – произнес он смиренным тоном.

Слуги поставили паланкин на землю. Убрав полог, Евфросин окинул взглядом огромный дом Аристарха. На первом этаже в трапезной тускло горели окна.

– Евфросин вышел из паланкина и, вскинув голову, стал подниматься по ступеням. Дом Аристарх получил в дар от Галерия, которого вылечил от лихорадки, Галерий был очень влиятельным человеком в окружении Диоклетиана, и как говорили Евфросину придворные, часто давал восточному Августу советы.

После того, как Диоклетиан взошел на трон, миновав череду войн с сыном императора Кара, он ввел доминат. Но осознав, что в одиночку не сможет управлять Римом, взял себе в соправители Максимиана. По новому закону, введенному Диоклетианом, Августы имеют право царствовать двадцать лет. После этого они обязаны передать троны своим наследникам, которых верховный правитель Дио-

клеткиан назначил среди близких ему людей. У наследника был титул цезаря. Наследник обязан пользоваться расположением армии. Для наследника важно проявить верность трону. Галерий считался цезарем Диоклетиана уже почти двадцать лет. По мнению многих он обладал жестокостью, лукавством и злобным сердцем. Но ему удалось найти подход к Диоклетиану и даже убедить правителя в необходимости начать преследования христиан. Прежде тоже возникали вспышки гонений против последователей этого учения. Диоклетиан уже почти год, как издал закон, запрещающий исповедовать христианство, но предлагающий во избежание казни, добровольно вернуться к многобожию. В Никомидии уже были сожжены несколько храмов, возведенных христианами, а всех, кто не скрывал религиозных взглядов, брали под стражу, ожидая их раскаяния.

Иногда следуя по городу, Евфросин замечал, как преторианцы ведут пленников к зданию тюрьмы или видел издали окровавленные гниющие на солнце тела казненных. Он не понимал твердости христиан. В конце концов, для спасения жизни, можно и солгать, что отказался от веры! Ведь человеческая жизнь - это главное!

Пройдя просторный вестибюль, Евфросин в сопровождении встретившего его раба, вошел в трапезную. Зал озаряло множество масляных ламп. В чашах курились горящие благовония.

Возле низкого стола на диване разместился Аристарх в бе-

лом хитоне и сандалиях. Его волосы завиты, большие глаза жирно обведены тушью. На смуглых руках искрятся золотые браслеты. Во всех его движениях присутствует изящество.

– Было время, когда в трапезных, подобных моей, устраивались грандиозные пиры, а нынче мы посещаем подобные обеды, лишь приходя к императору. Ибо боимся людского осуждения. Все стремятся к благопристойности, – засмеялся он, поприветствовав Евфросина.

– Все, за исключением Максимиана, – усмехнулся гость. – Всякий раз приезжая в Никомидию, он напивается до того, что его внутренности выворачивает вином.

– Но к счастью Максимиан бывает в Никомидии лишь в отсутствие Диоклетиана, поэтому ты лечишь его не столь часто, как я цезаря Галерия!

– Вновь захохотал Аристарх.

– Да, в Италии у него есть другие лекари, – кивнул Евфросин, и опустился на соседний диван, стоявший напротив места Аристарха. Подошедший виночерпий наполнил кубок гостя. У ног Евфросина занял место его раб, обязанный пробовать пищу.

– Галерий тяжело болен, – вдруг проговорил Аристарх.

– А что с ним? – осведомился гость.

– Пока трудно сказать. В области паха у него образовался нарыв. Время от времени этот нарыв открывается, и из него течет кровь. На первый взгляд в недуге нет ничего опасного, но он причиняет цезарю сильные страдания. К тому же на-

рыв имеет склонность разрастаться.

– Если хочешь, Аристарх, я могу осмотреть цезаря, – молвил Евфросин.

– Не нужно, – поморщился Аристарх, который очень гордился тем, что был личным врачом самого Галерия. – Я собираюсь почитать про лечение недугов такого рода в александрийских трактатах. Ко всему прочему, Галерий собирается временно отбыть в Рим, где намечаются торжества по случаю грядущего двадцатилетия правления Диоклетиана.

– Да, ты прав! Я не смогу сопровождать его и надолго оставить мою школу, – улыбнулся Евфросин.

– Верно! – В твоей жизни есть не только болячки наших владык, но и юношество, которое нуждается в твоих наставлениях, – произнес Аристарх, очень обрадованный тем, что Евфросин не настаивает на предложении своих услуг Галерию.

– Юношество нынче отступило от примера Гиппократы, – хмыкнул Евфросин.

Рабы поставили на низкий стол блюда с фруктами, кувшины с соусами, вазочки с холодными яйцами, сваренными вкрутую, и подносы с тонкими лепешками. В центре стола размещалась своеобразная горка из жаренных свиных ножек. Полумрак в зале сгущался, за окнами уже наступила ночь, и теперь трапезную озаряли лишь трепещущие факелы.

– Мы тоже не часто стремились подражать Гиппократу!

Где бы ты оказался, если бы следуя его примеру, брал деньги лишь с богачей, а остальных лечил бесплатно! Ведь богачей вокруг меньше, чем нищих! – захохотал Аристарх.

Подошедшая рабыня в короткой тунике с улыбкой опустилась пред Евфросином на колени и украсила его голову венцом из веточек зеленого лавра. Он нежно погладил ее по щеке.

Вторая рабыня преподнесла такой же венок хозяину дома.

– До недавнего времени я не раскаивался в том, что брал деньги со всех, кто ко мне приходил за лечением, — молвил Евфросин. – Но сейчас стал жалеть. Все-таки гениальный врач Гиппократ учил не только основам врачевания, но и тому, каким должен быть лекарь.

– Что же заставило тебя задуматься о своих былых деяниях, Евфросин? – спросил Аристарх, поцеловав ручку своей рабыни.

– Есть в моей школе юноша... Пантолеон, – проговорил Евфросин задумчиво. – Он намного мудрее прочих учеников. У него талант к врачеванию от самих богов. Но он нисколько не превозносится и намерен лечить людей безвозмездно.

– Безвозмездно? А на что он собирается жить?! – фыркнул Аристарх.

– Не могу даже представить, – ответил Евфросин. – Но если бы подобные намерения исходили от другого человека, я бы счет их не более, чем юношеской глупостью, которая,

несомненно, пройдет с годами, однако я успел хорошо изучить нрав Пантолеона, чтобы не сомневаться в том, что он действительно готов бесплатно врачевать людей.

Расхохотавшись, Аристарх взял в руки гранат и стал резать его маленьким серебряным ножом.

– Поверь, что твой Пантолеон выбросит всю эту гиппократову чепуху из головы! В юности мы все стремимся быть великодушными. А что в итоге? Мы становимся врачами при дворе, получаем от владык богатства, открываем свои школы, куда приходят юноши, обуреваемые высокими стремлениями к добру! Все, что желает твой Пантолеон, очень правильно! Но следовать собственному желанию у него вряд ли получится.

Но Евфросин был не согласен с Аристархом. Он воздержался от спора, предпочитая заговорить о великолепии вкуса свиных ножек, терпкости одуса и прохладе вина, но в душе его сохранилась уверенность в том, что Пантолеон являлся единственным врачом, который готов лечить страждущих бесплатно. За прошедшее время проницательный лекарь сумел близко узнать Пантолеона. Он много размышлял об этом юноше. Таких, как Пантолеон, ему ни разу не приходилось встречать за годы своего наставнической практики.

– У меня есть среди больных слепой человек, – молвил Аристарх задумчиво. – Он богат, очень знатен. В его жилах течет римская кровь. Я пытался вернуть ему зрение, используя различные методики. Но, к сожалению, зрение не восста-

новилось.

– А почему этот римлянин ослеп? – спросил Евфросин.

– Он воевал на стороне Диоклетиана в войне с Каринином, и был славой преторианцев. Во время одного сражения ему повредило голову ударом меча. С тех пор он ослеп, – сказал Аристарх. – Перед тем как побывать у меня, он посетил всех известных врачей в Никомедии. Но никто так и не облегчил его недуг. Его имя Сатурнин Цинна.

– Он мне незнаком, – покачал головой Евфросин.

– Если хочешь, я могу прислать его к тебе.

– Присылай! Возможно, что я сумею облегчить его недуг.

Но Аристарх внезапно уловил в его голосе сомнение. Невзирая на то, что Евфросин считался талантливым врачом, далеко не все недуги ему удавалось исцелить. Однако Аристарх все же решил направить к нему Сатурнина Цинну, который уже испробовал почти все средства для возвращения зоркости глазам.

Подали новые порции вина, и разговор перетек к обсуждению юности Евфросина. Он много говорил о том времени, когда только начинал практику, вспоминая забавные случаи. Так, за возлияниями, прошло еще пара часов, после которых гость засобиравлся домой.

Аристарх, зная, что по ночам Никомидия столь же опасна, как любой другой город, хотел дать ему своих слуг в сопровождение, но он отказался.

Сев в паланкин, Евфросин горячо поблагодарил Аристар-

ха за гостеприимство и задернув полог, велел рабам нести себя домой. На этом они и расстались.

Глава 10

В пустынном зале полумрак. Здесь отсутствуют окна, и лишь зарево трепещущих факелов озаряет помещение. Кроме Пантолеона тут больше никого нет. Десять минут назад закончилось занятие по анатомии и ученики покинули школу. Многие уже не думают о том, что только что слышали от наставника.

Но Пантолеон вспоминает каждое слово. Перед ним разрезанное тело смуглого бородатого сирийца. На соседней каменной тумбочке поднос, где все еще лежат окровавленные инструменты – скальпели, пинцеты, ланцеты, крючки, костяные щипцы.

Евфросин в течение часа рассказывал своим ученикам о системе пищеварения, вскрыв труп. Мокрые кишки до сих пор лежат на большом блюде, распространяя отвратительный запах.

Когда тело портится, оно становится ядовито, – вспомнил Пантолеон и подошел к трупу почти вплотную.

В отличие от большинства учеников он никогда не испытывал тошноту при вскрытии. Вполне вероятно, что оказавшись на войне, среди солдат, которые получают тяжелые раны, он превратился бы в незаменимого походного врача. У него изумительная сдержанность.

Низко наклонившись над телом, Пантолеон осторожно прикоснулся к поверхности сердца. В этой части человека живет дух! А сейчас труп лишен божественного начала.

– Удивительно! – пробормотал Пантолеон, сдвинув брови.

Прежде больных лечили в храмах Эскулапа. Жрецы возносили молитвы, пели гимны, приносили жертвы, и иногда люди выздоравливали. Но исцелял ли их Эскулап? Пантолеон в этом сомневался.

– Почему ты задержался? – резко спросил Евфросин. Вздрогнув, юноша вскинул голову.

– Мне было интересно, – признался он.

– Что именно так тебя заинтересовало, Пантолеон? – осведомился Евфросин.

Он стоял в нескольких шагах от тумбы, на которой лежало вскрытое тело. Пантолеон все это время был так увлечен изучением анатомии, что не замечал его.

– Сердце, – ответил юноша.

– Хм! Что в нем столь необычного?

– Я считаю, что оно содержит в себе душу, пока человек живет телесной жизнью, когда он умирает, душа покидает его.

– О, я и не подозревал, что ты веришь в божественное начало, – молвил Евфросин.

– Почему?

С момента нашего знакомства ты производил впечатление юноши, склонного к материальному, ведь ты любил Диоскурида.

– Я согласен с Диоскуридом в том, что не всякая болезнь вызвана гневом богов, ибо богов нет. Но есть Всевышний Создатель, которого мы, греки, не знаем, но о существовании которого догадываемся, - произнес Пантолеон.

Евфросин недоверчиво усмехнулся и подошел к нему. Невзирая на то, что на улице было жарко, в зале висела прохлада. Зарево факелов выхватывало тонкое красивое лицо Пантолеона.

Сняв с себя нарукавники, Евфросин протянул их юноше.

– Я знаю, что ты хочешь исследовать сердце, Пантолеон.

– Внутри него уже нет души. Человек ведь мертв.

– Но когда-то она жила внутри этой частицы.

– Верно. Но ведь душа сама по себе нематериальна. Она невидима, – ответил Пантолеон и все же, польщенный доверием, оказанным наставником, не смог отказаться от возможности исследовать сердце. Совсем недавно он изучал гипсовый слепок, а сейчас получил право взять в руки настоящий орган. Подобное Евфросин позволял лишь давним ученикам своей школы.

Одев нарукавники, Пантолеон взял скальпель и, склонившись к телу, сделал разрез на сердце.

Евфросин не спускал с него глаз. Чем больше придворный врач наблюдал за любимым учеником, тем сильнее росло

его восхищение. Необычная мудрость Пантолеона, его твердая рука, его сдержанность свидетельствовали о неоспоримой склонности к врачеванию.

Самоуверенность, с которой юноша разрезал сердце и вслух назвал функции клапанов, заставила Евфросина затрепетать.

– Пантолеон, – прошептал он, положив ладонь ему на плечо.

Юноша вопросительно взглянул на него.

– Вы чем-то недовольны, учитель?

О, нет! Я всем доволен. И более всего я доволен тем, что боги, в существование которых ты не веришь, позволили мне встретить тебя.

Вспомнив те похвалы, что Евфросин расточал Евстрогию, юноша помрачнел. Учитель заметил, что его взгляд стал суровым.

– Ты мне не веришь, Пантолеон? Думаешь, что я хочу тебе польстить, дабы поддержать талант врача? О, нет. Среди моих учеников не было юноши более одаренного, нежели ты.

– Послушать вас – я новый Гиппократ! – печально усмехнулся Пантолеон.

– Еще год назад я бы засмеялся, если бы мне кто-нибудь сказал, что я буду наставлять нового Гиппократа, но сегодня я не смеюсь! Ибо я в это верю! Да, ты сможешь со временем превратиться в самого выдающегося врача нашей эпохи! И еще... Я намерен ввести тебя в число придворных вра-

чей! Сначала ты будешь посещать императора Максимиана в качестве моего лучшего ученика, сопровождая меня. А потом... все может случиться! Когда ты приобретешь необходимый опыт, твои связи при дворе позволят тебе сделать отличную карьеру.

Вздыхнув, Пантолеон отложил скальпель и снял нарукавники.

– Неужели вы думаете, что меня интересует карьера при дворе Августа?! – с досадой произнес он.

– Евфросин почувствовал недоумение.

– Но тогда, что же ты хочешь?

– Я уже вам говорил, что хочу просто лечить всех страждущих.

– В день, когда ты мне это говорил, я еще не убедился в твоих талантах! Ты новый Гиппократ! Я представлю тебя ко двору, а дальше ты будешь сам решать, нужна тебе врачебная карьера или нет! – ответил Евфросин.

Вернув ему нарукавники, Пантолеон вновь взглянул на окровавленное тело.

Я жажду постичь врачевание, чтобы лучше лечить всех, кто

мучается недугами, Евфросин. Мне безразлично, какое положение они занимают в нашем обществе.

– Но я, как твой учитель, приказываю тебе сопровождать меня ко двору, – строго молвил Евфросин. В будущем полезные знакомства не повредят даже бесплатному лекарю!

Опустив руки в таз с водой, где полчаса назад мыл свои ладони Евфросин, Пантолеон задумался.

– Что во мне так вас восхищает? То, что я владею знаниями? Но их могут достичь при желании все ученики. Или, быть может, вам нравится то, что я не брезглив? Или вас изумляет моя сдержанность? Я не понимаю.

– Меня приводит в трепет твой талант! – ответил Евфросин. – А еще ты был единственным среди всех моих учеников, кто вспомнил о существовании духа.

– М не это странно. Ведь о божественной природе человека говорит в трактатах даже Аристотель, – молвил Пантолеон.

– Большинство людей смотрят на окружающий мир поверхностно, – сказал Евфросин.

– Зря! Вокруг нас много достойного внимания.

– Так думают единицы, Пантолеон.

Покачав головой, юноша вытер тонкие руки полотенцем, лежавшим возле таза.

– Замечательный Асклепиад считал, что наш организм создает тысячи атомов. Мы получаем эти атомы через дыхание или пищу, откуда они затем разносятся по всему организму. Если атомы начинают двигаться неправильно, человек болеет, – проговорил он. – Но почему так устроен организм? Почему в его работе все взаимосвязано? Невольно приходит в голову мысль о Создателе всего, как об Отце, сотворившем человечество.

Не могу с тобой не согласиться, любезный Пантолеон, – ответил Евфросин. – Божественное начало, несомненно, присутствует не только в каждом человеке, но и во всем мире. Ты очень умный мальчик. Истинный врач должен быть таким, как ты. Нельзя лечить людей по одной схожей схеме, ибо мы все различны и индивидуальны. Таким нас создал Бог. Он вдохнул в нас те самые души, кои делают нас теми, кто мы есть.

– Да, Аристотель считал, что именно душа создает наш характер, дает природные склонности, – кивнул Пантолеон. – Тело- это всего лишь оболочка, в которой мы живем. Но зачем нам дается познать земное существование?

– У каждого свой смысл жизни. А некоторые так и не находят его, Пантолеон.

– По-вашему мнению, путь человека в этом мире заключен в смысле жизни?

– Верно.

– Но ведь сей смысл можно найти и в восемнадцать лет! Тогда для какой цели жить дальше?

– Чтобы служить этому смыслу жизни и не потерять его, – ласково улыбнулся Евфросин.

Он знал, что Пантолеон считает, будто живет ради того, чтобы лечить всех страждущих. Невзирая на скептицизм Аристарха, Евфросин продолжал в это верить. Кроме изучения науки, одиночества и странных философских рассуждений, Пантолеона ничего не интересовало. Евфросину бы-

ло известно, что юноша избегает компаний, не имеет друзей и ведет очень замкнутый образ жизни. Даже Евстрогий не мог точно сказать, что именно происходит в своеобразной пылкой душе сына. Но Евфросин, будучи проницательным, изучил нрав Пантолеона. К удивлению придворного врача, юноша был последователен и очень тверд в принятии своих решений. Поэтому Евфросин несколько не

сомневался, что, несмотря на юность, ученик успел найти собственное предназначение. Теперь Евфросин искренне желал, чтобы столь одаренный богами юноша достиг высокого положения при императорском дворе. Он решил, что в следующий свой визит к Максимиану он возьмет с собой талантливого ученика.

Глава 11

Силуэт, который Пантолеон заметил в воротах дома, когда давал мазь бедняку, успел исчезнуть, едва молодой человек обратил на него внимание. У Ермолая были причины избегать лишнего общения с прохожими. Но все-таки Ермолай не спускал с Пантолеона глаз все то время, что тот беседовал с нищим.

Его очень заинтересовал этот юноша, который каждый день проходил по здешней улочке, погруженный в собственные мысли.

Ермолай был уже пожилым человеком. Как и большинство малоазийских греков, он имел в себе смешение множества восточных кровей, но чтил культуры того народа, к которому официально принадлежал. Вся его жизнь прошла в Никомидии, где он владел небольшой скобяной лавкой. Невысокого роста, смуглый, худой, с короткой седой бородой и выющимися длинными волосами он не обладал бы внешней привлекательностью, если бы не тот удивительный свет, сиявший в глубине его огромных темных очей. Подобный свет всегда свидетельствует об изумительной натуре человека и об огромной любви к окружающим, живущей в его сердце. Прямой узкий нос с небольшой горбиной выдавал в Ермолае его греческие корни. Черты его лица были необычайно выразительны, подвижны. Вести разговоры он умел

твердо, убедительно, но очень вежливо. В нем отсутствовала свойственная грекам напористость.

Несколько лет назад Ермолай принял христианство и стал одним из самых частых прихожан главного никомидийского храма. В городе его хорошо знали. Ему доверял местный пресвитер Анфим.

Когда Диоклетиан издал указ о начале гонений на христиан, многие прихожане никомидийской общины отказались от веры, боясь расправ. Но были и те, кто стойко терпел пытки, угрозы и жестокость властей, не желая отступить от Христа. Таких ждали казни. Теперь почти ежедневно в городе распинали, мучили или брали под стражу участников общины. Подобное положение сложилось по всей Римской империи. Но самыми беспощадными преследователи оставались в Никомидии, потому что здесь остановился двор Августа.

Анфим был вынужден уехать. Скрываясь среди скал Каппадонии, он присылал свои послания христианам. Некоторые письма получал от него Ермолай, который стал пресвитером после отбытия Анфима. Впрочем, Диоклетиан знал о том, что Анфим продолжает укреплять дух христиан, ибо к императору попадали иногда его письма. Их находили у пленных участников общин. Диоклетиан злился, заставлял своих солдат прилагать все силы, чтобы найти Анфима. В этой ситуации для Ермолая было опасно находиться в своей скобяной лавке. Он переехал к Ермиппу, одному из стойких христиан, владевших домом, мимо которого Пантолеон

часто ходил в школу. Кроме самого Ермиппа и пресвитера здесь нашел укрытие молодой преторианец Ермократ, бросивший службу ради сохранения веры во Христа. За густыми дебрями сада и забором, превосходящим человеческий рост, эти люди чувствовали себя временно защищенными от преследователей. Отпустив рабов, Ермипп самостоятельно вел хозяйство, обрабатывал сад и готовил пищу. В город он ходил редко и всякий раз старательно закутывал голову накидкой, чтобы его не узнали бывшие участники христианской общины, отказавшиеся от веры. Он боялся ареста.

Находясь в доме Ермиппа, пресвитер Ермолай мог проводить богослужения. О них знали лишь те, кто жил за высоким забором. Местные горожане нечасто ходили по здешней тихой улочке, где не располагалось никаких торговых лавок, а если им случалось идти возле запертых ворот Ермиппа, то они не задумывались о происходящем в его доме.

Таким образом, нашедший укрытие пресвитер рассчитывал переждать опасный период гонений. Он знал, что раньше преследования христиан тоже были. Траян, Деций, Проб предавали казням его братьев по вере. Эта религия, основанная на любви к человечеству, по какой-то странной причине с самого начала ее возникновения раздражала людей. Окружающие с готовностью принимали Артемиду, Ареса, Афины, но христианская доброта, гуманизм, простота, искренность, призывы к покаянию будили в них безудержную ярость.

Христа распяли евреи. Но многих апостолов распростра-

нявших веру по территории империи, убивали те, кого сами евреи называли язычниками – греки, римляне, сирийцы, Апостол Павел был обезглавлен в Риме. В его гибели оказались виноваты самые цивилизованные люди в мире. Других апостолов жестоко предавали расправам в прочих частях света. Но евангелие, которое они проповедовали, неумолимо распространялось среди человечества, пробуждая веру в душах. И вот те язычники, которых презирали евреи, верят в Сына единого Бога. Ермолаю нравилось думать о том, что когда-нибудь эта религия будет свободно проповедана в мире. Хотя до того времени христианам предстоит еще много страдать.

Будучи человеком умным, Ермолай прекрасно понимал, что он не имеет права заводить новые знакомства в дни, когда Анфима ищут императорские солдаты. Ермолая могли взять под стражу, чтобы узнать у него, где скрывается Анфим. Но осторожность пресвитера отступала, когда он думал о юноше, подарившем мазь незнакомому бедняку. Судя по тому, что юноша носил в суме ящик со снадобьями, он учился на лекаря. Вероятно, он был очень серьезным молодым человеком, потому что Ермолай всегда видел его идущим в одиночестве и погруженным в размышления.

Покоренный неожиданным великодушием юноши, Ермолай решил познакомиться с ним. Невзирая на тяжелые времена, он почувствовал, что юношу необходимо обратить в христианство. Это был опасный шаг. Ермолай осознавал

возможный риск. Если вдруг случится так, что юноша при всей своей отзывчивости, поддерживает гонения или по наивности расскажет дома о встрече с пресвитером, Ермолай будет арестован. Однако предчувствие подсказывало пресвитеру, что ему все же следует попытаться обратиться к Христу юного незнакомца. Такие люди, как этот юноша, всегда будут нужны Богу. Ермолай очень сомневался, что религия, в основе которой лежит любовь к ближнему, оставила бы молодого ученика равнодушным.

Своим братьям по вере, разделившим уединение в здешнем доме, Ермолай предпочел пока ничего не говорить. Лишь после знакомства с юношей, он поведал им о собственном поступке.

Несомненно, они вряд ли одобряют его шаг.

Он знал, что юноша проходит мимо дома Ермиппа два раза в сутки – отправляясь к наставнику, а затем – возвращаясь обратно. Юноша всегда движется стремительно, но его взгляд опущен, а лицо спокойно. Иногда он хмурится, размышляя лишь о ему известных вещах. Пару раз Ермолай видел его в одежде из персидской ткани, но обычно он носит очень простые хитоны без вышивки, предпочитая строгий внешний вид. Черные длинные локоны юноши достают до тонких плеч. Весь его облик лишен обычной мужественности – он чрезмерно утончен, изящен, но не замечает этого. Но, все же, его резкие движения выдают его самоуверенную мужскую натуру. Шаг у него широкий, легкий.

Будучи проницательным знатоком характеров, Ермолай успел сделать собственные выводы относительно личности юноши. Теперь ему оставалось лишь удостовериться в том, что эти выводы были справедливы. Для этого он выбрал удобный момент, воспользовавшись тем, что оба его собрата по вере заняты ведением хозяйства, вышел за ворота, чтобы познакомиться с юношей.

Глава 12

Пантолеон возвращался домой после занятия у Евфросина. Он быстро шел по узкой улице мимо высоких заборов, стараясь держаться теневой стороны. Несмотря на то, что уже начинался вечер и солнце окрасило небеса в золотистый оттенок, разбавленный сизыми прядями пористых облаков, воздух все еще был раскален.

С моря дул легкий ветер, но в эти часы его дыхание не освежало улицы города.

На улочке по обыкновению было безлюдно. Лишь один раз навстречу Пантолеону вышла влюбленная парочка. Девушка нежно улыбалась своему спутнику, который держал ее за руку. Пантолеону нравилось, когда незнакомые люди счастливы. Невзирая на то, что сам он не искал женского внимания, он радовался, если другим случалось встретить свою любовь.

Он шел все дальше и, подняв голову, задумчиво смотрел, как косой огонь солнечных лучей падает сквозь ветви деревьев на пыльную улицу. Тысячи былинки парили в этом зареве. Резко сощурившись, Пантолеон увидел, как свет солнца стал еще ярче.

– Интересный эффект, подаренный нам природой, Единым Богом Отцом или быть может Гелиосом, – прошептал он.

Сквозь сияющий поток к нему выступил силуэт человека. Это был грек преклонных лет, смуглый, с короткой седой бородкой. И все же взор его очей источал почти такое же тепло, как зарево, объяввшее его фигуру.

– Позволь поговорить с тобой, юноша, – молвил он.

– Почему бы и нет? Однако мы с вами незнакомы, и я не знаю, чем привлек вдруг ваше внимание, – ответил Пантолеон.

Снисходительно улыбнувшись, пожилой грек чуть склонил седовласую голову.

– Меня зовут Ермолай, – сказал он. – Я вижу тебя каждый день на здешней улице.

– Вы тут живете? – спросил Пантолеон.

– Да, – Ермолай осторожно взял юношу под локоть и подвел к воротам, ведущим в сад Ермиппа. – Несколько дней назад ты подарил мазь местному нищему. Я наблюдал за тобой.

Пантолеон, вспомнив, что тогда перед ним промелькнул чей-то силуэт, догадался, что это был Ермолай.

– О, я всего лишь хотел облегчить страдания того римлянина, – признался он. – Я учусь на врача. Прошу вас, не говорите никому о том, что я сделал, ибо мой наставник пока не позволяет мне самостоятельно практиковать.

– Хм! Я вовсе не собирался никому рассказывать о твоём поступке, – молвил Ермолай. – И я подозревал, что ты врач, ибо ты носишь ящик со снадобьями в своей суме. Как

твое имя?

– Пантолеон.

– Странно, что твои родители тебя так называли.

– Они хотели, чтобы я был мужественный.

– О, какие имена только не даются нашим детям! – Ермолай тяжело вздохнул. – Ты хрупкий, тонкий, как былинка, и в тебе нет ярости, свойственной львам. Но взор твоих черных глаз выдает мудрость, проницательность и твердость. Сердце у тебя очень искреннее. К тому же ты сдержан, спокоен и уравновешен – это я успел понять.

– Вы хорошо разбираетесь в людях! – усмехнулся Пантолеон.

– Да, ибо я много с ними общался, пока Август Диокле-тиан не начал свои гонения. А потом все изменилось. И вот меня, пресвитера Ермолая, вполне могут предать жестокой казни за то, что я верю во Христа.

– Так вы не просто христианин, а пресвитер! – удивился Пантолеон.

– Да, бесценный юноша. И я вовсе не боюсь тебе сие от-крыть, хотя понимаю, что ты будешь волен сдать меня вла-стям, если захочешь.

Я иду на риск, ибо ты понравился мне своим необычным великодушием.

Погрузившись в молчание, Пантолеон возвел взор к небу, которое проглядывало сквозь густые кроны абрикосового дерева. Иногда фрукты, срываемые ветром, со стуком пада-

ли за пределы забора, прямо на улицу. В знойном воздухе уныло жужжали мухи.

– Моя мать была христианкой, – неохотно произнес Пантолеон.

– Любопытно! Это она воспитала тебя столь великодушным?

– Она умерла, когда я еще не достиг шести лет. Своим воспитанием я обязан отцу.

– Он добр?

– Он очень добр ко мне, но не к окружающим. По натуре он суров, а после смерти любимой жены ожесточился. Вероятнее всего тем, что вы считаете великодушием, я обязан наследственности. Врачи придают этому явлению огромное значение. Я похож на свою матушку, а она была доброй женщиной.

– Наверное, из-за этого сходства, отец любит тебя еще горячее, – предположил Ермолай.

– Отец видит во мне, единственном сыне, смысл жизни, – ответил Пантолеон.

И ты его любишь:?

– Конечно! Кого мне еще любить, как не отца?!

Он ведь язычник, верно? – прищурился Ермолай.

– Да, но для меня его вероисповедание не имеет значения. Я не разделяю его религиозных убеждений, но когда я пытался говорить с ним о его каменных кумирах, он ссорился со мной.

– Кумиры много столетий владеют душами человечества, – проговорил Ермолай. – Поэтому так трудно отвлечь от них людей. Все новое пугает. А если мы испытываем страх, то вслед за ним испытываем и ненависть. Скажи, матушка рассказывала тебе про Христа?

– Немного, – кивнул Пантолеон. – Но я ведь был ребенком и почти ничего не помню. Мой отец, аристократ Евстрогий не разрешил жене обратить меня в христианство. Но я часто видел мать, погруженную в молитву. Она действительно верила в своего Бога.

– А ты во что веришь?

– Я много думал о вере. Безусловно, я не могу отрицать наличие Единой Силы, которая движет мир. Все вокруг меня взаимосвязано. Мы все частицы какого-то огромного кем-то сотворенного пространства. Бог – создатель, Бог – Творец, – Бог – двигатель существует. Но я пока не ведаю, какая религия ведет к нему.

Измученный столь глубокой мудростью, неожиданной для хрупкого молодого человека, Ермолай внимательно взглянул ему в глаза. Огромные темные очи Пантолеона сверкали восторгом, когда он говорил о Боге.

– Вероятно, твой наставник хвалит тебя за ум, – молвил пресвитер.

– Да. Евфросин считает, что со временем я научусь лечить любой человеческий недуг. Тогда я смогу исцелять всех страждущих.

– Не каждый недуг подвластен людям.

К сожалению, вы правы, Ермолай. Иногда врачи бессильны, – вздохнул Пантолеон.

– Но, когда бывают бессильны врачи, тогда исцелить болезни способен Бог, – шепнул Ермолай и крепко сжал локоть юноши. – Возможно, что ты уже знаешь, что Христос был земным воплощением Творца, снизошедшего до людей. Поэтому Он – Сын Бога. Он исцелял больных собственной силой. Его апостолы тоже исцеляли. И простые смертные, имеющие в сердце веру в Него, тоже получают исцеление.

– Но каким образом? – спросил Пантолеон.

– Через молитву, – сказал Ермолай. – Если хочешь, я научу тебя молитвам, псалмам и закону, который дал нам Христос.

– Молитва? – недоверчиво пожал плечами юноша. – И все? Никаких лекарств не требуется?

– Чтобы лечил Бог- не нужны лекарства! Когда женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, прикоснулась к краю одежды Христа, то получила исцеление! А до этого она все состояние издержала на врачей, подобных твоему Евфросину! Если есть вера в Христа, то одним лишь призыванием Его Имени, можно исцелять страждущих!

Повернувшись к пресвитеру, Пантолеон прижал к себе суму.

– По-вашему христианину не нужно даже учиться, чтобы стать врачом Ермолай?

– О, нет! Учись! Ты сможешь лечить тела своими снадобьями! Но если твоя душа захочет, дабы тебе содействовал Господь, просто попроси Его! – улыбнулся Ермолай.

В течение нескольких минут Пантолеон размышлял над всем, что услышал от пресвитера.

– Я бы желал узнать больше о христианстве, – проговорил он, наконец.

Рад это услышать, – молвил Ермолай. – приходи ко мне в любое

время. Постучи в ворота и спроси Ермолая. Я буду счастлив рассказать тебе о Христе.

– В таком случае я непременно приду к вам, – сказал Пантолеон. – Что-то словно подсказывает мне, будто христианство- это имело та религия, которая ведет нас к Богу.

Попрощавшись с Ермолаем, он вновь продолжил идти к дому отца. Уже начало темнеть. Улица лежала в густых южных сумерках.

Ермолай долго провожал взглядом солнце. Он верил, что не ошибся в Пантолеоне.

Глава 13

В тот вечер пресвитер рассказал двум своим братьям по вере о знакомстве с молодым учеником врача Евфросина.

Перед обрядом богослужения они сидели в глубине сада за каменным столом и ужинали сыром, лепешками, свежими оливками и вином.

– Меня глубоко покори́л этот юноша, братья, – говорил Ермолай. – И я словно ощутил само вмешательство Всевышнего, который повелел мне обратить его в христианство.

– Ты очень рискуешь, Ермолай, и нас подвергаешь опасности, – угрюмо ответил Ермипп. – Ибо юноша, судя по твоим речам, воспитан в семье язычника! Мне приходилось слышать о суровом нраве этого Евстрогия! Если ему станет известно о том, что его отпрыск общается с христианами, нам не жить.

Трапезу озаряло несколько масляных ламп. В глубине сада громко стрекотали цикады.

Я знаю, что Пантолеон особенный человек, – тихо произнес Ермолай, вертя в руке оловянный стакан с разбавленным вином. – И он нужен Богу.

Но Ермипп с сомнением покачал головой. Это был человек средних лет, с грубым, смуглым лицом на котором возбужденно горели его огромные глаза навывкате. Очень густые кудрявые волосы он носил распущенными, и они спадали ни-

же его крепких, физически развитых плеч.

– Ты сам не ведаешь, что сделал, – молвил он. – Теперь каждый день мы должны бояться того, что в мои ворота постучат стражники.

– Скажи, Ермипп, ты веришь в Бога?! Я чувствую, что обращая Пантолеона, выполняю его волю! Если ты достойный христианин, то прими все происходящее как должное! В конце концов, возможно, что нам действительно не удалось бы вечно прятаться среди твоих абрикосовых деревьев! – резко произнес Ермолай.

– Неужели обращение этого почти незнакомого тебе юноши важнее твоей собственной жизни?! – воскликнул Ермипп.

Пресвитер поставил стакан, расплескав вино.

– Прекрати, Ермипп! Мы не трусы! Да, мы соблюдаем осторожность, живя в твоём доме. Но если вдруг понадобится пожертвовать собой ради воли Всевышнего Творца, мы жертвуем. В моей душе нет колебаний.

Ермипп ничего не ответил

– Анфим обнаружен солдатами в горах Каппадонии, – вдруг едва слышно приговорил Ермократ. – Я узнал об этом сегодня, когда покупал в городе новое колесо для масляного жернова. Народ весь день обсуждает его арест.

– Не может быть! Анфим взят под стражу! – горестно воскликнул Ермипп.

Тебе известно как это случилось? – спросил Ермолай, ста-

раясь не утратить самообладания, подобно Ермиппу.

– Да, – пробормотал Ермократ. – Солдаты нашли его в пустынной местности. Он оказал им гостеприимство, щедро накормив их, а затем признался им., что он и есть пресвитер Анфим. После этого его доставили в Никомидию. Вечера Диоклетиан лично беседовал с ним, предлагая отказаться от веры во Христа, но он остался непреклонен.

Вероятно, через пару дней его казнят.

– Пусть Господь пошлет Анфиму силы, чтобы он не отступил от христианства под угрозами Августа, – прошептал Ермолай.

В его воспоминании всплыл образ молодого, но твердого духом пресвитера Анфима. В посланиях, которые он отправлял никомидийским христианам, он не уставал укреплять их твердую веру, умолял не бояться беспощадных истязаний.

– Удивительно, как много силы может дать человеку Христос, – пробормотал Ермолай.

– Но почему Анфим сдался солдатам добровольно? – вдруг произнес Ермократ. – У него ведь был выбор! Он вполне мог не говорить этим людям о том, кто он, и тогда избежал бы ареста.

Пресвитер повернулся к Ермократу.

– Ты ведь уже давно христианин, Ермократ! Неужели тебе до сих пор непонятно, что именно вера, которая зарождается в нас, позволяет нам с великой радостью отдавать свои жизни ради Иисуса Христа! В часы казней мы должны быть

счастливы, ибо глядя на то, с какой отвагой мы принимает страдания, сотни людей поверят в Единого Бога! А затем, когда слух о нашем мужестве распространится по территории Вифинии, в христианство обратятся тысячи подданных императора! Страх пред Диоклетианом огромен, но он несравним с истинной верой, когда она воспламеняет сердце.

Вздохнув, Ермократ покачал головой. Он был еще молод. В свои двадцать ему пока не доставало мудрости, но он никогда не спорил с Ермолаем, преклоняясь перед умом и духовной глубиной пресвитера. Загорелый, худой с живыми глазами и с взлохмаченным длинными прямыми волосами, Ермократ не был красивым, но обладал способностью располагать к себе людей тем, что умел легко с ними общаться. Приущий ему жизнерадостностью он быстро поднимал настроение даже такому угрюмому человека, как Ермипп.

– Возможно, это прозвучит дерзко, но я тоже готов отдать жизнь за веру! – вдруг заявил он и решительно взглянул на Ермолая.

Сидевший рядом Ермипп не удержался от саркастичекий ухмылки, но Ермолай отнесся к словам Ермократа весьма серьезно.

– Я нисколько в тебе не сомневаюсь, любезный Ермократ, – молвил он. – Вполне вероятно, что нам всем в будущем предстоит пострадать за Христа. Не нужно этого бояться. Гораздо хуже предать все то, что было смыслом твоего существования.

– Но говорят, что наши владыки не гнушаются пускать в ход самые изощренные пытки, – сказал Ермипп. – По их приказу палачи заживо распиливают христиан, насаживают несчастных на железные крючья, ожидая, когда те погибнут, распинают, поджигают затем кресты и используют прочие чудовищные мучения.

– Мне жаль Августов! Столько сил тратят они, чтобы сломить христианский дух, – улыбнулся Ермолай, и взор его засиял любовью ко всем тем христианам, что гибли за свою веру.

– Для Диоклетиана это всего лишь государственная необходимость, – проговорил Ермипп. – по наущению Галерия он вступил в борьбу с христианами, опасаясь, как бы те не раскололи римское общество. Но его соправитель Август Максимиан, который сейчас находится в городе Медиолане, действует, чтобы лишь получить удовлетворение. Чужая боль, вид страданий, истязания развлекают этого человека.

– Я слышал, что всего через несколько дней Диоклетиан покинет Никомидию, чтобы посетить Рим. Поэтому смею предположить, что окончательную участь Анфима будет вершить именно Максимиан, – сказал Ермократ, и взор его загорелся сочувствием.

– Как бы там ни было, Анфиму предстоят мучения, – вздохнул Ермолай. – Я буду нынче молиться за то, чтобы Иисус Христос послал ему укрепление духовной силы.

Через полчаса на заднем дворе дома он провел богослу-

жение. По обыкновению ему пришлось прочесть отрывок из Писания, а затем после проповеди пропеть вместе с двумя своими собратями несколько псалмов. В тот вечер помыслы этой общины состоявшей всего из нескольких испуганных взволнованных людей, занимал бывший пресвитер Анфим. Братья во Христе страстно молились за него. Они не просили Всевышнего избавить его от казни, ибо понимали, что ему предстояло погибнуть за свои убеждения. Однако участники общины очень надеялись, что Бог даст Анфиму необычайную силу, которая позволит ему выдержать все грядущие страдания.

Глава 14

После беседы с Ермолаем, Пантолеон не спал целую ночь. Он сидел в своей комнате, среди обстановки, погруженной в сумрак, и не переставал размышлять о христианах. Конечно, будучи отзывчивым юношей, он и раньше сочувствовал им, потому что они терпели чудовищные преследования. Но лишь теперь он в полной мере осознал, насколько должна быть глубока их вера, чтобы продолжать бесстрашно проповедовать свое учение под страхом кровавых казней.

Отвага христиан восхищала его. В душе он приклонялся перед их мужеством.

Когда начало светать, он принял решение вновь увидеться с Ермолаем. Более всего Пантолеон хотел узнать подробности христианского учения.

Незадолго до того, как ему предстояло покинуть дом, чтобы участвовать в торжественном жертвоприношении, которое нынче Евфросин собирался устроить в храме Эскулапа, он позвал к себе Лаврсатя.

– Почему моя мать стала христианкой? – строго спросил он, застегивая тонкий пояс на хитоне.

Раб недоуменно взглянул на юношу.

– Госпожа Еввула как-то рассказывала мне, что ее привела к христианам старуха кормилица, сирийка по происхож-

дению, – сказал он. – С тех пор госпожа очень полюбила своего Господа.

– В последнее время я жажду познать ее религию, Лаврсатяй, – проговорил Пантолеон. – Но евангелия наши солдаты сжигают на кострах.

– Зачем вам ее религия?

– Пока это лишь любопытство.

Будучи по обыкновению замкнутым, Пантолеон не рассказывал Лаврсатяю о своем знакомстве с Ермолаем. Он доверял рабу, но хотел быть осторожным, ибо от него завесила жизнь пресвитера.

– Но батюшке не понравится то, что вы интересуетесь христианством, – сказал Лаврсатяй печально. – То, что он терпел религиозные взгляды Еввулы, вовсе не означает, что он будет терпеть и ваши.

– Если я найду ответы на свои вопросы, познав Христа, то сумею и отца обратить к истинной вере, – сдержанно улыбнулся Пантолеон и, оставив Лаврсатяя в одиночестве размышлять над своим странным поведением, отправился в Храм Эскулапа.

В то утро он пересек несколько кварталов, следуя не тем маршрутом, которым ходил в школу Евфросина. Храм, возведенный Траяном, располагался на большой площади, с северной стороны грандиозного амфитеатра.

В прошлом знаменитый император, заботясь о Никомидии, соорудил здесь множество храмов, несколько вилл и да-

же проложил водопровод, поставив тем самым город на один уровень с Антиохией, Александрией, Эфесом и прочими крупными центрами Востока.

Огромное мраморное строение с многоступенчатой лестницей, фасадом, украшенным колоннами, и высоким куполом издали возвышалось над крышами соседних домов. Поскольку никомидийцы болели так же часто, как и жители других городов, все их упования возносились к Эскулапу. Жрецы наживались на людских страданиях, соглашаясь молиться за больных лишь за щедрые жертвования. Но все же, как и прежде, Эскулап оставался самым любимым божеством язычников.

Пантолеону было известно, что про Эскулапа в народе рассказывают много удивительного. Люди говорили, что когда-то этот искусный врач, рожденный смертным, настолько преуспел в исцелении страждущих, что Юпитер решил подарить ему божественность. Окружающие всегда почитали Эскулапа, но Пантолеон, будучи юношей рациональным, с трудом мог поверить в его могущество. Для него Эскулап оставался такой же каменной фигурой, как боги в отцовском доме.

В отличие от ученика Евфросину приходилось делать вид, будто он верит в Эскулапа. В противном случае придворному врачу могла грозить казнь. К тому же среди его больных многие полонялись Эскулапу, и его отказ от веры мог отратить от него никомидийцев, сохранявших былую привер-

женность традициям.

В течение многих веков культ бога Асклепия процветал на

Востоке, а позже достигнув Рима, стал именоваться культом Эскулапа. В Храме, где в то утро должно было состояться жертвоприношение, он возвышался перед громадным алтарем, сжимая в мраморной руке посох, вокруг которого обвилась змея. Согласно легенде, повстречав аспида, эскулап убил его, но тотчас к мертвой твари выполз второй аспид, держа во рту целебную траву. Эта трава воскресила убитую змею. Изумленный Эскулап нашел принесенный аспидом вид растения и с тех пор воскрешал людей.

Аспид навеки сжал в объятиях посох в руке скульптурного Эскулапа. Бог врачевания изображен в просторном плаще и сандалиях. Бородатое лицо человека средних лет, обрамленное густыми волосами, восхищает мудростью. Статуя ярко озарена пылающим огнем.

Высокий свод тонет во мгле. Вдоль стен в нишах искрятся десятки масляных ламп. Их пламя отражается в мозаике пола.

Войдя внутрь Храма, Пантолеон сразу же увидел фигуру Евфросина. Придворный врач находится рядом с алтарем. Возле него стоит незнакомый Пантолеону человек средних лет в роскошном хитоне, с завитыми каштановыми волосами. Ростом он выше Пантолеона. Чуть в отдалении несколько жрецов складывают в сокровищницу золото, которое по-

жертвовал храму Евфросин.

– Ты успел вовремя, Пантолеон, – шепнул он, заметив юношу. – Жрецы еще не пропели божеству гимны!

Торопливо подойдя к Евфросину, Пантолеон слегка ему поклонился.

– Вы же знаете, что я не верю в Эскулапа, наставник, – тихо ответил он.

– То, что ты не веришь в него, – это неважно! Тебе всего лишь нужно придерживаться традиций, чтобы получить место при дворе, – огрызнулся Евфросин, который уже устал от того, что его любимый ученик во всем хочет быть честным, искренним и правдивым. Конечно, он понимал, что Пантолеон еще молод, а в годы юности многие презирают лицемерие. Но, в тоже время, вокруг Евфросина было много учеников того же возраста, что и Пантолеон, которые умели великолепно лгать ради собственной выгоды. Впрочем, у них отсутствовал грандиозный дар врачевания, присущий Пантолеону.

– Позволь представить моего друга, лекаря Аристарха, – молвил Евфросин, повернувшись к человеку с завитыми волосами.

– Приветствую вас, Пантолеон, – улыбнулся Аристарх. – Я наслышан от достопочтенного Евфросина о том, что боги наградили вас мудростью. Это редко для столь молодого человека.

– Единственное, что я хочу, это чтобы моя мудрость слу-

жила страждущим, – глухо произнес Пантолеон.

– Я восхищен! – Усмехнулся Аристарх, негромко зааплодировав. – Поистине ты не ошибся в ученике, друг мой Евфросин!

Придворный врач с гордостью сжал плечо Пантолеона, а юноша, смутившись, опустил взор.

Между тем жрецы, выступив к алтарю, велели прихожанам преклонить колени.

– Да снизойдет на нас великая щедрость твоя, о, Эскулап, бог врачевания! Ты покровитель всех болящих! В твоих руках есть власть над всеми недугами, а сия власть возносит тебя над всем миром, ибо ничто так не заставляет народы вопить, стенать, рыдать, как недуги! – провозгласил седой смуглый жрец. – Пусть кровавые раны зарубцуются по велению твоему! Пусть остановятся реки гноя! Пусть исчезнут невыносимые боли, ибо каждая кость способная восстановиться по желанию твоему!

Жрецы затянули гимн, сложенный в ту далекую пору, когда Эскулап был просто греческим богом Асклепием. Их голоса эхом отдавались под высоким куполом. Пение улаждало собой даже самый утонченный слух.

Закрыв глаза, Пантолеон постарался осознать, что он чувствует. Растворяясь в прекрасном пении, он, однако, не попадал под влияние лживого обворожительного наваждения. Веры в могущество Асклепия не прибавилось в его сердце. Просто он восхищался созвучием этих нот, соединенных

в строгом пении, брэнчании кифар, позвякивании кимвалов. Больше ничего не было для него в звучащих гимнах, Эскулап, бог греков Асклепий, по-прежнему оставался обыкновенной каменной статуей, в которой нет души. Эта скульптура не была образом, посредством коего можно обратиться к Силе более старой, нежели сам греческий народ. А сердце юноши тянулось к неведомому Единому Богу, который, как утверждают христиане, был любящим Отцом – Создателем всего человечества.

Ермолай говорил, что попросив Христа об исцелении больного, можно получить это исцеление даже не прибегая к снадобьям. До сих пор Пантолеон пока с трудом представлял, как подобное возможно, но очень хотел бы научиться у Ермолая молитвам, чтобы лечить страждущих.

До конца торжественного жертвоприношения, пока жрецы клали на алтарь убитых аспидов, воспевая могущество Эскулапа, Пантолеон терпеливо стоял, преклонив колени. Но как только гимны смолкли, и Аристарх заговорил с Евфросином, он поднялся с пола и объявил о намерении возвратиться домой.

– Сегодня вы не проводите занятий, наставник, – сказал он. – И поэтому я бы предпочел вернуться к своему батюшке.

– Ах, Пантолеон! А мы думали, что ты захочешь присутствовать на встрече учителя с больным, которого я к нему направил! Это слепой преторианский центурион. К сожалению, пока никто не смог вновь подарить ему зрение, – сказал

Аристарх, с улыбкой изучая худого мрачного юношу, который смущался в его присутствии.

– О, нет, – ответил юноша. – Отец ждет меня к обеду. Прошу вас меня извинить.

– Конечно, бесценный мой мальчик, – ласково кивнул Евфросин. – Возвращайся к своему отцу. Евстрогий очень гордится тобой.

С благодарностью взглянув на него, Пантолеон стремительно покинул Храм Эскулапа. Он не знал, что Аристарх пристально смотрел ему вслед, впервые познакомившись со столь необычным юношей, который для своих восемнадцати обладал мудростью зрелого человека, но был необщителен.

Оставив Храм, Пантолеон почти забыл о собственном участии в службе. Его влекло через шумные площади Никомидии в центр, где располагался главный христианский храм города. Лаврсатяй рассказывал, что Еввула ходила туда для участия в службах. В течении долгих месяцев Пантолеон думал об этом месте, но лишь сегодня он захотел войти в Храм. Он не боялся, что его обвинят в христианских взглядах, ведь он еще не был христианином, и его утреннее участие в жертвоприношении Эскулапу стало тому подтверждением. Но он желал ощутить дыхание Бога, которое, несомненно, присутствует в стенах здания.

Пантолеон стремительной походкой шагал по многолюдным улицам, где со всех сторон до него долетала то музыка

авлосов, то чьято ругань, то смех, то грохот колес. Мычащие быки, торговцы, компании пьяниц, чьи-то паланкины, которые несли мокрые от пота рабы, смешение наций, языков, одеяний - все это, словно поток реки, бурлило в сердце залитой солнцем Никомидии. Пантолеон не обращал внимания на окружавших его людей. Перед ним возвышались почерневшие от копоти руины, которые оставили в центре города по распоряжению Диоклетиана. Император велел сжечь храм. Камни остались. Они лежали в черном пепелище, которое уже давно успело остыть. Исчезли фрески на стенах. Кое-где сквозь копоть еще видны силуэты ихтиса, или крестов, но в основном все сожрало прожорливое пламя.

Остановившись возле развалин, вокруг которых, как ни в чем не бывало, сновали люди, Пантолеон печально рассматривал их. Этот храм был воздвигнут почти двадцать лет назад. В нем проповедовалось евангелие даже в очень тяжелые для христиан времена. И вот что осталось от него – камни.

– Когда сгорел Храм? – спросил Пантолеон у гончара, сушившего возле развалин свои амфоры.

– Зимой, – сказал гончар. – Август согнал сюда всех пленных христиан, а затем распорядился их сжечь. Разве ты не слышал об этом?

– Нет, – покачал головой Пантолеон, который никогда не прислушивался к разговорам на улицах, а дома отец предпочитал не обсуждать государственные дела Рима.

Он вспомнил, как однажды зимой вдруг проснулся от едва уловимого запаха дыма, проникавшего в окно. Весь следующий день ему пришлось быть с отцом, но, даже не покидая дом, он ощущал, как в воздухе пахнет пожаром.

– Это горел Храм! – пробормотал он.

Его душа сжалась от сочувствия к несчастным христианам, которые гибли в огне, запертые в стенах огромного здания. В его очах появились слезы. Острая боль пронзила сердце. Сжав кулаки, он взглянул на гончара.

– Сколько человек сгорело в Храме? – осведомился он.

– Более десяти тысяч! Их вопли были слышны всем, кто собрался вблизи пылающего здания! Чудовищная ночь! – вздохнул гончар.

По лицу Пантолеона текли слезы. Он сел на почерневший камень и, проведя ладонью, стер слой золы, увидав изображение рабы Ихтис. Символ христиан, придуманный апостолами. Спустя почти триста лет после того, как возникло христианство, значение символа «ихтис» знали даже язычники. Аббревиатура слов – Иисус Христос, Сын Бога, Спаситель.

Пантолеон подумал о гонениях, устроенных нынешними Августами. Раньше христианам тоже приходилось нелегко. Их религию часто подвергали преследованиям. Многие римляне считали, что она вредит давним традициям подданных. И все же христиан становилось все больше. Бывали периоды, когда им не запрещалось даже возводить собственные храмы, подобные грандиозному никомидийскому храму, в ко-

тором сторело более десяти тысяч верующих.

Разве ради веры в Аполлона, Юпитера или Артемиду мы способны жертвовать собой? – прошептал Пантолеон. – Нет. Потому что христианство имеет особую власть над человеческими сердцами.

Поднявшись, он неторопливо прошелся по площади. Со всех сторон руины храма напоминали ему о былом размере здания. В течение долгих лет здесь возносились молитвы, и всего за одну ночь тут погибли тысячи людей, верующих во Христа. Вопли женщин, детей, стариков, юношей соединялись в единый гул, тонуший в потрескивании пламени и криках собравшейся толпы.

Оставив площадь, Пантолеон в течении всего дня ходил по городу в одиночестве. Он много думал о Ермолае. Несомненно, пресвитер мог рассказать ему о христианстве более подробно, нежели накануне.

Пересекая улицы, он видел издали распятых мучеников. Их тела разлагались под вечным зноем, царившим в Никомидии. Следуя вдоль стен императорского дворца, он не испытывал восторга перед изысканностью этого архитектурного ансамбля, сооруженного Диоклетианом. Думая о жертвах нынешних гонений, Пантолеон гневался на Августов. Дворец охраняли преторианцы, чьи шлемы и наконечники копий вспыхивали в лучах заката. Пантолеон никогда не был во дворце, но знал, что Евфросин посещает семью Максимиана, когда западный Август приезжает в Вифинию. Он вдруг

вообразил, что Диоклетиан, возможно, и сейчас вершит суд над кем-нибудь из христиан, и уже через несколько часов несчастных ждет жестокая казнь. При этих мыслях ему стало не по себе.

Опустив голову, глядя лишь под ноги, он свернул на хорошо знакомую ему тихую улочку и уверенно приблизился к запертым воротам, возле дома, где жил Ермолай. Поколебавшись несколько секунд, словно борясь со смущением, Пантолеон постучал в них.

Глава 15

Юноша, вышедший к гостю, был всего на пару лет старше Пантолеона. Он хмуро разглядывал неожиданного визитера, пытаясь понять, что могло ему понадобиться от пресвитера.

– Я пришел к Ермолаю, – говорил Пантолеон. – Вчера мы познакомились на здешней улице. Он утверждал, что я найду его у вас, если захочу.

Вспомнив о знакомстве Ермолая, вызвавшем недовольство Ермиппа, юноша, встретивший Пантолеона, кивнул.

– Да, я помню, что пресвитер рассказывал нам о тебе. Иди за мной. Я провожу тебя к нему.

Впустив Пантолеона в сад, юноша плотно запер ворота.

– Мы очень осторожны, – сказал он. – Меня зовут Ермократ. А дом принадлежит Ермиппу, давнему участнику нашей общины.

Следом за Ермократом, Пантолеон направился по узкой дорожке вглубь сада. Сквозь кусты и деревья сияли трепещущие от ветра огни масляных ламп, стоявших на каменном столе. За столом сидел Ермолай, потягивая разбавленное вино. При виде Пантолеона он нисколько не удивился.

Ἦξερα ὅτι ἀλαγορεύσεις, – сказал он. – Видит Бог, что я не мог в тебе ошибиться.

– Мы успели познакомиться, – улыбнулся Ермократ, неожиданно смягчившись. – Если вы, Ермолай, доверяете

сему юноше, то и я буду ему доверять.

– Конечно, я доверю нашему гостю, – ответил Ермолай. – Присаживайся, Пантолеон. Выпей со мной вина, попробуй великолепный пирог с ягодами.

– Благодарю, – молви Пантолеон, покорно сев на скамейку, напротив Ермолая. – Но я пришел к вам вовсе не для того, чтобы ужинать. Я хочу услышать вновь о христианстве.

– Оставь нас, – велел Ермолай, повернувшись к Ермократу и, когда тот скрылся в доме, налил в стоявший возле Пантолеона оловянный стакан вина из высокой ойнохой. – Вкус этого напитка словно возвращает меня в пору юности. Тогда умели делать восхитительное вино.

Но Пантолеон лишь повертел в длинных пальцах стакан и отодвинул его.

– Сегодня днем я был возле сожженного по приказу Диоклетиана храма, – мрачно сказал он. – До сих пор на площади лежат обгоревшие руины. Это знание построили, когда я только родился. В нем проводилось множество служб, на которое ходила моя мать, Еввула.

– Несколько тысяч человек сгорело в этом храме, – произнес Ермолай. – Но они отдали жизнь за то, во что верили.

– Но почему христианство имеет такую власть над сердцами?!

– Потому что каждое сердце открыто для любви, а Христос учил нас любить. Самая высшая любовь – это любовь ко всему человечеству, Пантолеон. Умение прощать. Умение

творить добро. Умение не превозноситься над остальными, невзирая на собственные заслуги. Лишь достигнув этого, мы в полной мере можем познать истину.

– И вы ее poznали? – прошептал Пантолеон.

– Да, ибо мне очень хотелось ее познать, – печально ответил Ермолай. – Знаешь, нынче Диоклетиан уехал в Рим. Его ждет праздник по случаю двадцатилетия царствования. Возможно, что через несколько месяцев на троне уже будет сидеть его наследник. цезарь Галерий. Хотя более вероятно то, что Максимиан не захочет добровольно покидать свой престол, и в государстве вспыхнет смута. Как бы там ни было, распри между ними не избавят их от общего врага, который их объединяет —от христиан. Но они не понимают, что воюя с нами, они воют с самим Христом. А Христос не может потерпеть поражение, потому что Он – Бог. Мы, люди, пожертвовавшие собой ради веры, – лишь солдаты, погибшие на поле боя.

Несколько минут Пантолеон сидел молча, низко опустив голову и размышлял над услышанным от Ермолая. Совсем стемнело. Лишь огни масляных ламп по-прежнему горели на столе, слабо озаряя контуры предметов.

– Я хотел бы поверить во Христа, Ермолай, пробормотал Пантолеон.

– Что же тебя мешает?

– Пойми... Я живу среди великого множества богов. Конечно, я уже давно осознал, что они божества лживые, и я

давно искал Единого Бога – Создателя, Отца Вселенной, ибо даже такие философы, как Аристотель, ссылались на Него. Но я боюсь ошибиться. А вдруг поверив в Христа, я вновь окажусь в заблуждении?

– Мальчик мой, а что говорит тебе твое сердце, когда ты вспоминаешь о Христе? – ласково осведомился Ермолай, который уже догадался, что Пантолеон был юношей сложным, не только из-за своей учености, но и потому, что обладал острым рациональным умом, прямоотой и искренностью.

Когда я вспоминаю о Нем, – сердце говорит, что Он – истинный Бог, – признался Пантолеон.

– Но ты, будучи осторожным, не желаешь вдруг ошибиться?

– Верно.

– Тогда, с твоего позволения, я дам тебе совет, – проговорил Ермолай задумчиво. – Если помнишь, я приводил тебе в пример то, как Христос исцелил людей, которые лишь прикасались к Его одеянию? В Иудее Он сотворил много чудес, ибо жил среди людей, нуждавшихся в исцелениях. Сейчас Он вознесся на Небо, но Дух Божий позволяет всем, кто действительно верит в Него, творить подобные чудеса. Попробуй когда-нибудь попросить Христа о заступничестве, если случится твоим близким попасть в беду.

– Но я не принимал крещения! Я не христианин! – воскликнул Пантолеон.

– Это неважно, – ответил Ермолай. – Если ты угоден Богу,

а я уверен, что так оно и есть, то тебе будет явлено чудо, которое навсегда заставит тебя забыть о своих сомнениях. Ты сможешь убедиться в том, что Иисус Христос был Сыном Божиим.

– Неужели Христос согласится содействовать мне, человеку, пребывающему в сомнениях? Вряд ли я Ему нужен, – смутился Пантолеон.

– Среди Апостолов, распространявших наше учение, был человек, которого звали Павел. В молодости он преследовал христиан, арестовывал их, служил интересам иудеев. Имя его пугало христиан по всему Востоку. Но однажды на пути в Дамаск, Христос явился Павлу как столб света в пустыне и заговорил с ним. С тех пор Павел стал рьяным поборником христианства. Он путешествовал по всей Малой Азии, везде проповедовал Слово Божье. А потом в Риме он встретил свою участь – его казнили во время самых первых языческих гонений. Ведь до того момента преследования христиан устраивали лишь иудеи. Но казнь Павла ознаменовала гонения более масштабные, ибо язычников вокруг живет больше, нежели евреев.

– То есть вы считаете, что я могу быть угоден Христу настолько же, как сам апостол Павел? – недоверчиво спросил юноша.

– Не знаю, – признался Ермолай. – Но даже в наши дни Господь дарит веру своим избранникам. Ибо есть люди от рождения угодные Богу. Когда я наблюдал за тобой, у ме-

ня появилось чувство, что я непременно должен обратиться к тебе в христианство. Господь представит тебе чудо, чтобы ты избавился от сомнений. И тогда я научу тебя мудрости Христовой, которая стоит гораздо выше людской.

Осушив свой оловянный стакан с вином, Пантолеон улыбнулся Ермолаю.

– Более всего я бы хотел, чтобы вы превратились в моего наставника! – сказал он.

– Это мое предназначение, я ведь глава общины, – ответил Ермолай. – Другой возглавлял ее до меня. И он был более достойным пресвитером, чем я.

– А что с ним стало, Ермолай?

Пресвитер помрачнел. Сощурившись, словно сдерживая ту скорбь, что его переполняла, он устремил взор к высоким кронам пальм.

– Возможно, что ты слышал об Анфиме, которого искали стражники Диоклетиана, – проговорил он – так вот... Анфим возглавлял христиан. Когда начались гонения, он уехал. Ему пришлось скрываться. В своих письмах он всячески поддерживал общину. Поверь, Пантолеон, мой мальчик, что нет в нашем мире человека более искреннего, доброго, честного, нежели Анфим. С юности он обладал отзывчивым сердцем. Недавно стало известно, что его арестовали и привезли в Никомидию. Диоклетиан отбыл в Рим, и, стало быть, участь бывшего пресвитера свершит Август Запада. А Максимиан обладает беспощадной натурой, жадной до челове-

ческих страданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.